

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО С
А.И.ТУРГЕНЕВЫМ.

1824-1836

Петр Вяземский

**Переписка князя П.А.Вяземского
с А.И.Тургеневым. 1824-1836**

«Public Domain»

1836

Вяземский П. А.

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1824-1836 /
П. А. Вяземский — «Public Domain», 1836

«Поздравляю тебя, моя радость, с 1824-ю радостью по Рождестве Христове. Когда придет новая эра? Право, пора! А пока ожидаю коляски, которая все еще едет или не едет. Мы в Москве с детьми и порядочно устроились в своей хижине, светлой и чистой. Не будешь ли сюда, хоть к поре блинов? Или хочешь куличей? Тебя ведь в голодное время ждать нечего. Ты умеешь выбирать время. Меня скопцом вывели в «Полярной», не хуже Загряжского, и я остался при законной части. Да неужели было у меня: «Русский царь в шляпе»? Понять не могу и припомнить, когда доставил им эту песню, написанную мною тотчас после Двенадцатого года, когда это выражение было точно в народном употреблении. Не люблю ни писать задним числом, ни думать задним умом, ни чувствовать задним чувством. Всею своею время и своею место. Я сгорел, как прочел этот стих. Сделай милость, защищай меня от недоброжелателей...»

Содержание

1824.	6
577.	6
578.	7
579.	8
580.	9
581.	10
582.	11
583.	12
584.	13
585.	14
586.	15
587.	16
588.	17
589.	18
590.	19
591.	20
592.	21
593.	22
594.	23
595.	24
596.	25
597.	26
598.	27
599.	28
600.	29
601.	30
602.	31
603.	32
604.	33
605.	34
606.	35
607.	36
608.	37
609.	38
610.	39
611.	40
612.	41
613.	42
614.	43
615.	44
616.	45
617.	46
618.	47
619.	48
620.	49
621.	50

622.	51
623.	52
624.	53
625.	54
626.	55
627.	56
628.	57
629.	58
630.	59
631.	60
632.	61
633.	62
634.	63
635.	64
636.	65
637.	66
638.	67
639.	68
640.	69
641.	70
642.	71
643.	73
644.	78
645.	79
646.	80
647.	81
648.	84
649.	85
650.	86
651.	88
652.	89
653.	90
654.	91
655.	92
656.	93
657.	94
658.	95
659.	97
660.	98
661.	99
662.	100
1825.	102
663.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

1824.

577.

Князь Вяземский Тургеневу.

7-го января. [Москва].

Поздравляю тебя, моя радость, с 1824-ю радостью по Рождестве Христове. Когда придет новая эра? Право, пора! А пока ожидаю коляски, которая все еще едет или не едет. Мы в Москве с детьми и порядочно устроились в своей хижине, светлой и чистой. Не будешь ли сюда, хоть к поре блинов? Или хочешь куличей? Тебя ведь в голодное время ждать нечего. Ты умеешь выбирать время. Меня скопцом вывели в «Полярной», не хуже Загряжского, и я остался при законной части. Да неужели было у меня: «Русский царь в шляпе»? Понять не могу и припомнить, когда доставил им эту песню, написанную мною тотчас после Двенадцатого года, когда это выражение было точно в народном употреблении. Не люблю ни писать задним числом, ни думать задним умом, ни чувствовать задним чувством. Всему свое время и свое место. Я сгорел, как прочел этот стих. Сделай милость, защищай меня от недоброжелателей. Очисти меня от хвостовщины и сбереги мою девственность. Кстати о девстве: рязанский Ржевский привез сюда на продажу дюжины две – (по крайней мере он ручается) и к тому же танцовщиц. они пляшут здесь на показ на итальянском театре: Россини и Россияда вместе! Хорошо, если купила бы их императорская дирекция. Все были бы они свободны, по крайней мере, столько же, сколько и мы.

Что же обещанные книги? Если есть в тебе душа и совесть, сыщи Аннету Голицыну, варшавскую, дочь Ланского, по только тотчас и скажи ей, что я жду водевиль из театральной цензуры; что если найдется кое-что непозволительного, то пускай вымарают, а не задерживают и присылают то, что может быть сказано и пето, не оскорбляя Бога, царя и ослиных ушей, того и другого, и третьего, и четвертого, и пятого. Она знает, в чем дело. прости, моя душа! Вот афишка о Ржевском; афиши пишет Апраксина.

Подари мне на новый год пакетов по образцу этого, только не скупись.

578.

Тургенев князю Вяземскому.

11-го января. [Петербург].

Елена Безобразова помолвлена третьего дня за гусарского полковника графа Апраксина, племянника графа Разумовского.

Скоро ли напечатаете «Ключ»? Пришли тотчас экземпляров пять, и один или два получше.

День бракосочетания еще неизвестен по нездоровью великого князя. Что ты замолк, соловушко? Тургенев.

579.

Тургенев князю Вяземскому.

16-го января. [Петербург].

Весь город плачет по смерти Чернышевой. Милое создание, которому улыбалось счастье, трое суток мучилось и успело только пережить дитя свое и проводить его в лучший мир. Муж в плерезе и был в жестоких обмороках. Старуха Козицкая и мать приняли последний вздох умирающей. Все семейство в горести ужасной. В том же доме, и за несколько дней перед тем, умерла родами же, за несколько же дней перед Чернышевой вышедшая замуж Козловская, урожденная княжна Мещерская. Когда ее выносили из дома, то пение надгробного хора доходило до слуха мучившейся уже родами Чернышевой.

Государь болен лихорадкою и рожею на ноге. Сегодня, благодаря Богу, легче, но он ходить не может и приехал из Царского Села больной. Неделя должна была быть бальная, а вышла больная. Татищева собиралась дать бал; Елена её утопает в блаженстве. Третьего дня был я, после трехгодичной разлуки, у князя Serge Golitzin; застал там Юсупова вашего и излил перед ним всю желчь за продажу танцовщиц. Он защищал это и показал себя тем, что есть. Этом и шутить не позволено. Если князь Д[митрий] В[ладимирович] сюда не будет, то я намерен писать к нему, указав на продажу сию в его столице. Что же будут делать на Вятке? Слава Богу: там почти одна казенщина! Неужели Апраксина знает о сем и молчит? Доставь мне поболее подробностей. Я донесу на нее графине Строгоновой.

Сказывают, что «Ключ», уже печатный, здесь, а я его еще не имею. Читал ли ты его «Русалку»? Если нет, то пришло: старая пиеса, прелестная, неодобренная еще Тимк[овским].

Водевиль твой пропущен без перемены и сегодня возвращается в Москву. Я сам говорил с Ланским. Доставь сюда, если напечатаешь.

Читал ли в «Journal de Paris» 2 Janvier 1824 статью об «Антологии» Сен-Мора? Мейстер собирает отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее. Впрочем, по делу. «Les morceaux les plus remarquables sous le rapport de l'originalité et de l'agrément des pensées sont «Swètlana», par m-r Joukoffsky, «Une épître» de m-r le comte de Kwastoff, «Les «deux pêcheurs» de Gneditch et «Le Tasse mourant» de Batuschkoff». Если последний прочтет это, то в другой раз с ума сойдет; да я опасаюсь и за радость графа Хвостова. Впрочем, тот же рецензент говорит, «que le peuple russe reèut son alphabet des mains de Pierre le Grand».

580.

Князь Вяземский Тургеневу.

17-го января. [Москва].

Не я замолк, а ты. Недавно писал я к тебе и, кажется, еще à la Galiaui, да и прислал множество писем Дашкову, Туркулю и пр., и пр.

Наш водевиль возвратился из цензуры театральной, которая в нелепости не уступает сестре своей. В итальянской «Cendrillon» Dandini, глядя на сестер, поет к ним: «Son'tutte rara».

Вчера был прекрасный бал у симбирского маркиза Киндякова. Им только Москва и держится, и движется.

«Фонтан», а не «Ключ»: сколько раз я тебе говорил, а ты все свое несешь, уже печатается. Я готовлю к нему «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны». Припечатываются и «Разбойники», ради составления книжечки.

Узнай стороною, будет ли мне по старому присылать Греч «Сына» своего даром, а не то подпишись. Я не в милости у петербургских словесников: je perds ma popularité. Главное сердце на меня за Булгарина, литературного Фигаро (ум в сторону) и за Крылова, которого поставил я ниже Дмитриева.

Трокадерский герой здесь и приехал, сказывают, – жениться на Комбурлеевой, которых я еще не встречал в обществе. Что же скажет твое сердечко на Черной Речке? Или ты утетишься тем, что останется при тебе кухарка. Неужели не будешь в Москву? 30-го готовится маскарад у Бобринской на весь город. Приезжай!

Ваш Филарет запретил итальянцам давать «Моисея». Ты видишь, и у нас, как в Париже, и у нас своя Сорбонна. Дай срок, поболее образуемся, и заведется и своя инквизиция. Прощай, мой кандидат инквизиторства! Пушкина сейчас была здесь и тебе кланяется, и брату, которому готовится отвечать. Поздравь от меня Безобразову, если увидишь. Кланяйся Карамзиным, а писать им буду на следующей.

На обороте: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства просвещения. В С.-Петербурге.

581.

Князь Вяземский Тургеневу.

21-го января. [Москва].

Я и сам сердечно оплакиваю Чернышеву. Я узнал и полюбил эту милую малютку на Макарьевской ярмонке. Подите, разгадайте жизнь и хозяина её!

Я хотел тебе много писать, но у меня Верстовский и Булахов, здешний певец отличный, но актер деревянный и беспамятный. В четверг идет водевиль, а он своей роли не знает. Втираем ее в него фрикциями, а иначе никак не проберет его. Если напечатается, то разумеется пришло. А напечатать нужно будет, потому что ее верно убьют в игре.

Будь покоен: «Фонтан» у тебя у первого будет. Об Ржевском замолкли: он куда-то уехал. Отдай афишу барышням Карамзиным: знай наших! Обнимаю тебя сердечно.

Я газет никаких не читаю и потому и не знаю, что сказано в них о St.-Maure, который сущий мавр и араб. Пришли, что есть и что скажет Мейстер.

Басня Крылова подлая и угождение нынешнему мнению. Она мне всегда была тошна.

Приписка А. Я. Булгакова.

Ну, где вам, петербургским, за нами угоняться! Посмотри, душа моя, подивись и прочти афишку, привезенную сейчас к Вяземскому Львовою-Синецкою-Кокошкиною с билетом на её бенефис. Не бумага, а атлас, не спектакль, а чудо! Все новые пьесы: «Обман за обманом», сочинение новое обманщика Вяземского; «Воспитание» – худо воспитанного Кокошкина; шарада, коей слово есть «баллада», сочинение Филарета, а разговор славянских пастухов, *comme de raison*, Шишкова. То-то будет лафа! То-то будем хлопать и всех вызывать названных и скрывающихся авторов, а может быть... все зависит от нашего каприза. А ты не очень горячись, да, сударь! Ржевского танцовщиц покупают; дорого просят: по 1000 рублей штуку кругом. Я, чаю, гладится. За одним стало: за деньгами и за гневом твоим. Ах, милый друг, зачем ты не с нами! Какие обеды, какие стерляди, спаржа, яблоки, пряники, балы, красавицы, спектакли! Мы обедали у Вяземского намеренно и объедались. Вельгорские оба пели: один пел «Черную шаль», а другой воспевал черный глаз.

Пора ехать на концерт к Вельгорскому. Обнимаю тебя.

582.

Тургенев князю Вяземскому.

22-го января. [Петербург].

Твоего «Ключа» не дожدهшься, а между тем у него поспекает новая поэма. Я получил от него милое письмо, исполненное прекрасных стихов и даже надежды на его исправление. Теперь оно у Жуковского, который собирается отвечать ему на его эпиграмматическое воспоминание о нем. Здесь все еще в черном теле его держат; но я заставил приезжого чиновника, в присутствии его начальника, описывать П[ушкина] и надеюсь, что эта сцена подействует на бездушных зрителей. С вашим князем объяснение имел и сказал все, что на душе было. Он защищается законом, а я напал даже и не за человечество, а только за благоприличие. Прости! Писать некогда. Тургенев.

583

Тургенев князю Вяземскому.

29-го января. [Петербург].

Посылаю статью. Возврати, как скоро не нужна будет. Писать некогда. Десятая часть «Истории» вышла. Прости! Князь П. М. Волконский вчера приехал.

584.

Князь Вяземский Тургеневу.

31-го [января. Москва].

Хотел писать много, а напишу мало, то-есть, ничего. Сегодня в семь часов утра приехал с маскарада Бобринской. Было всего пропасть: и жандармы на лошадях, и петухи с обезьянами, и кадрили национальной гвардии, и прочее. Вот что мог вынести оттуда для твоего подвижного архива. Вчера познакомился с трокадерской Комбурлеевой: она ждет тебя сюда.

Не слышно ли у вас каких-нибудь перемен в управлении деревень, покупаемых для Спаса? Говорят, что Витберг едет к водам. Нельзя ли как-нибудь через вас продать туда деревню на условия? Имеете ли вы влияние на эти дела, или делаются они здесь под шумок? Скажи мне подробно обо всем.

Я на днях получил два экземпляра «Сына». Что за милость? Подписался ли ты, или издатель пожаловал? Дай знать: в последнем случае должно мне заплатить за учтивость и отплатиться стишками. Скажи или дай знать Воейкову, что у меня готовится оброк для него; прислал бы и сегодня, но некогда. Доставь прилагаемое барышням Карамзиным и скажи, что написал бы, по маскарад сидит еще на плечах.

Что же мне делать, что ты не имеешь еще «Фонтана», когда Сергей Львович у вас и брызжет им встречного и поперечного! Я не виноват, а из печати еще не вышел. Прости!

Вот песня из водевиля, которая очень поправилась нашим зевакам. Дай Карамзиным и Воейкову; только скажи именно, чтобы не выставлять моего имени, потому что, на вызов публики назвать авторов, остались мы неизвестными.

585.

Тургенев князю Вяземскому.

5-го февраля. [Петербург].

Письмо и афиши жандарма получил. Мы давно хлопочем о твоём деле. Карамзин писал к государыне. Я вчера был у В. С. Ланского, который уверил, что спросит относительно отсрочки у тверского губернатора о твоём имении. Так порядок требует. Он надеется, что губернатор скажет согласно с твоей пользой. Об имении для Комиссии нужно взять справки. Если ты знаком с Кушниковым, то посоветуйся с ним. Он человек прямой и добрый и сделает, что можно, или даст верный совет: ему известны дела московской Комиссии. Впрочем, я и здесь возьму справку и все, что можно, конечно, сделаю. Теперь некогда порядочно уведомить тебя о твоём деле. Я надеюсь, что или я, или Николай Михайлович напишет к тебе на следующей почте. Французских жандармов отдал вчера Марье Антоновне. Карамзиной старшей, то-есть, Катерине Андреевне прочел; детям отдать не успел. Стихи отдал вчера же Козлову для помещения в «Инвалиде», без имени.

Скажи Комб[урлей], что желал бы их видеть и поздравить в Москве, но не знаю еще, удастся ли; хлопот много. В пятницу на сей неделе свадьба великого князя в комнатной церкви государя, потом бал и поздравление, а празднества будут после Святой. Посылаю еще одну книжку. «L'hermite en prison» читает брат. Пришлю на следующей почте. Вот и афиша нашего парижского Шишкова, то-есть, его сеида – Гульянова. Ковальков (юноша-писатель), что жил у Ивана Владимировича Лопухина, а теперь у Н. Ф. Плещеевой, – камер-юнкер. Ваш князь Урусов будет сенатором (по секрету). Князь Волконский отказался от всех должностей. Дибич утверждается в должности.

Кто писал статью о тверском пустыннике или о пустыне на Тверской? Тургенев.

586.

Князь Вяземский Тургеневу.

Попедельник. [9-го февраля. Москва].

Спасибо, что вы обо мне хлопочете. Попечения ваши принимаю к сердцу с живостью я признательностью. Дай Бог успеха! Тверскому губернатору нельзя знать о моих обстоятельствах; ему известно, что производство фабрики моей идет исправно, но неизвестно, что нет никакой выручки, что сукно лежит у меня в амбаре, и что я еще должен платить за шерсть, когда от фабрики, как от козла, нет ни шерсти, ни молока. Показание его может быть мне не в пользу неумышленно. Как я уже тебе писал, здесь с Спасом делать нечего: у вас дело может пойти прямее и успешнее, а здесь предстоят мытарства. У Кушникова я был, говорил с ним, по что прока? Кушников ведь председатель, и стало дело не им делается. К тому же, есть еще желающие здесь, а я тягаться не умею. Вы – мой Спас!

Вчера был большой бал у Рахмановой. Я невесте сказал твое поручение. На первой неделе, кажется, возвращаются отие в Петербург. Скажи Жуковскому, что получил его палеологу и картины. Отвечать буду после. прости! Реши об «Сыне Отечества».

На обороте: Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу, в доме Министерства просвещения, в О.-Петербурге.

587.

Тургенев князю Вяземскому.

12-го февраля. [Петербург].

Кар[амзин] писал к тебе о твоём деле. От императрицы уже писано к Ланскому, и я говорил с ним.

О покупке деревни переговоры с Куш[никовым] и меня уведошь, что он скажет. Денег на сие осталось еще более полутора миллиона; он должен это знать; и твоя деревня недалеко от Москвы. Может ли он взять на себя предложить о сем? Я думаю – трудно, но ты сам поезжай к В[итбергу]. Предложений, несогласных с честью, не делай, ибо он усумнится и подумает, что я подослал тебя. Впрочем, делай с ним по лучшему твоему разумению. О другом писать некогда. Жалею о Жихареве. Кланяйся ему.

588.

Князь Вяземский Тургеневу.

14-го [февраля. Москва].

Карамзиным пишу я с Тимирязевым подробно о делах. Прочти у них мое письмо. Впрочем, оно повторение того, что писал тебе. Спасительская и спасительная продажа может только, если может, получить у вас движение прямое. Здесь ход её уже сбит: надобно было сначала пойти грязными переулками; а теперь, когда увидят, что я поворотил на них с большой улицы, то, будут меня опасаться и захотят выставить мною свою честность. Решите! Если возможность есть у вас дать направление, то скажите. Я умом, сердцем, помышлениями, тоскою – в делах, а между тем Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что лев, хотя и убит во многом, по еще: е околел.

Обер-прокурор Лобанов женится на меньшей Киндяковой. Есть ли у вас «Письма» аббата Сюррюга о московском пожаре и выписка из парижского журнала «L'album» о Ростопчине? Волосы дыбом становятся. Пришлю список, если нет.

Прости, мой Спас! Я все еще получаю два «Сына» и не знаю, плачу ли за один.

589.

Тургенев князю Вяземскому.

15-го февраля. [Петербург].

Письмо от понедельника получил. «Сына Отечества» я тебе не посылал и для тебя не подписывался. расспросить у издателя не успел. Получил ли «Прощальную песнь» Жуковского, не петую в Смольном монастыре? О деле твоём ещё подумаю. Да что же «Ключ»? Пришли хоть первые листы.

590.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го февраля. Москва.

Чтобы сберечь твою совесть от искушения нарушить тайну письма, посылаю тебе мое письмо к Воейкову открытое, а ты приложи после оплаты. Киселевы завтра едут к вам. Писать некогда. Я только вчера возвратился из Остафьева и не успел изготовиться. Скажи это и Карамзину, которого благодарю за письмо от 18-го февраля. С Витбергом еще приступить к делу не могу, потому, что ожидаю нужные бумаги из деревни. Обнимаю. Дочь Ростопчина очень больна. Нечаев выходит из опасности.

591.

Тургенев князю Вяземскому.

26-го февраля. [Петербург].

Письмо сие будет полу-официальное, и для того прошу прочесть его со вниманием и исполнить, по содержанию оно, немедленно. На прошедшей неделе Карамзин говорил слегка государю о желании твоём продать тверскую деревню храму Спаса. Государь тотчас предложил ему сказать о сем князю Голицыну, и на другой же день государь сказал ему, упомянув и об отзыве Карамзина, что ты согласен и дешевле других уступить казне. Князь поручил мне немедленно написать к тебе, чтобы ты написал к нему официальное письмо и предложил к покупке для храма свою деревню, сказав, что за душу просишь, сколько в ней душ, как далеко отстоит от Москвы, какие заведения, угодья или фабрики имеет и выгоды, кой могла бы доставить Комиссии храма. Но я в то же время отвечал князю, что ты менее 400 р. душу уступить не можешь, ибо эта цепа самая дешевая; что если другие помещики уступали дешевле, то многие могли делать сие потому, что им доплачивали свыше сей цены сами крестьяне, желая поступить в ведомство Комиссии. Посылаю тебе справку об имениях сего рода, в Комиссию купленных. В сем смысле ты должен написать к князю письмо и, под открытой печатью, прислать ко мне. Опиши выгоды своего имения, но согласен во всем с истиною. Мы, вероятно, пошлем это при предложении на рассмотрение Комиссии. Скажи об этом одному Кушникову, но другим не разглашай; особливо о том, что Карамзин говорил о сем государю. Сделай сие поскорее. Покажи письмо твое к князю предварительно Сергею Сергеевичу. Пришли его на мое имя, по сделай сам пакет и адрес. Не худо, если бы ты на всякий случай прислал ко мне два бланка на большой бумаге. Я бы, может быть, переменял что-нибудь или прибавил в твоём письме, а твое удержал. Если в бланках нужды не будет, то я немедленно возвращу их тебе.

Этот же доклад князя Г[олицына] был счастлив и для другого поэта – Боратынского; но еще дело не кончено, и я не смею писать к тебе более. Погоди!

Рылеев ранен в пятку на дуэли, но легко, то-есть, безопасно.

Письмо твое и ответ Бул[гарину] читал с Жуковским и слога и некоторых мыслей не одобрил. Препроводил на рассмотрение Блудова, и по общему приговору исполним или не исполним твое желание. Сейчас прочел напечатанное в Париже возражение Толстого на статью о Сен-Моровой «Антологии». Хорошо, но недостаточно. Вот записка Блудова. Послушаем и позабудемся на твой счет.

Спасибо за Пушкина. Надобно вогнать цену его сочинений в байроновскую. Будут дороже – и покупать больше будут. Пожалуйста не говори никому о разговоре Карамзина с государем и о предложении тебе, сделанном чрез меня. Можно испортить сим дело. Ты должен написать о причинах, по коим не можешь продать ниже 400 рублей за душу, сказав, что и сия цена весьма умеренная, судя по достоинству имения, и что только желание освободиться вдруг от массы долгов и упрочить благосостояние крестьян продажею в казенное ведомство, решило тебя за сию цену продать имение. При сем прилагаю: записку, у меня составленную, о двух имениях. Ты только можешь слегка упомянуть об оных, сказав, что некоторые имения так куплены, как например, князя Долгорукого и Ступишина, и записку Витберга, с показанием выгод имения, предлагаемого к покупке, для примера тебе. Тургенев.

592.

Князь Вяземский Тургеневу.

28-го [февраля. Москва].

Вот тебе pour les mémoires du temps, или скандальной хроники нашей, письмо мое к Мерзлякову по случаю представленной мною прозаической статьи для «Бахчисарая», который выйдет на днях. Мерзляков уступил и написал мне ответ, в коем обнажается его добрая душа. Жаль, что он одурел в университетской духоте.

Киселевы у вас; поклонись им от меня. Ты, модник, поищи мне в лавках или у портных красной ратины на подбивку плаща.

Виделся ли ты с Байковым? Каков он в двух звездах? Здесь уверяют, что Новосильцов женится на вдове Платона Зубова. Есть ли у вас слухи? Прости, душа! Нечаеву лучше.

Пишу Карамзиным о моих предположениях на продажу имения. Статочное ли оно дело, скажи?

593.

Тургенев князю Вяземскому.

29-го февраля. [Петербург].

Не замедли исполнить по последнему письму моему.

Князь Оболенский, муж Нелединской, сделан или делается на место Кривцова, который уже переведен в Воронеж.

Что же «Ключ»? Как же ты продал, а сам печатаешь? Пиесу твою читали, но еще окончательная резолюция не последовала за разногласием.

594.

Князь Вяземский Тургеневу.

3-го марта. [Москва].

Да будет воля твоя, и да будет успех в твоей воле! Из письма к Карамзину увидишь, почему прежде недели не могу написать дельно министру. Но ты не давай месту остывать; пускай письмо мое придет на теплое место. Смерть Ростопчиной обдала меня уныньем. Несчастье отца примиряет меня с ним. Люди должны быть снисходительны там, где судьба так свирепа. Не нам быть обвинителями Эдипов: нам только жалеть о жертвах Промысла. Побережем негодование свое для счастливых.

Я получил большой пакет Туркуля. Ты смешон, что оставляешь мою пиесу потому, что не одобряешь моих мыслей. Да что ты за Красовский моих мыслей? Впрочем, от тебя все терплю и целую руку, которая меня карает и милует. Обнимаю сердечно.

595.

Тургенев князю Вяземскому.

4-го марта. [Петербург].

Письмо получил и красной ратины куплю и пришлю. Для «Сетования» заказал музыку князю Владимиру Голицыну; но вместо *взорванной* надобно сказать *порванной*, ибо первое не то значит...

С Байковым вчера обедал у Лукулла-Лазарева. Он уехал вчера же в Варшаву. Новосильцов не женится. У графини Зубовой умерла дочь, и наследники Зубова отдохнули. Статья еще у Жуковского. Он очень занят Батюшковым, который всех и сестру подозревает. Третьего дня подтвердил мне Нессельроде обещание отправить его в Зонненштейн на казенный счет. Мы уже имеем удовлетворительный ответ от Ханькова.

Скажи Бул[акову], что о Федорове справлюсь и что можно сделаю. Третьего дня, в ночь на третье, скончалась герцогиня Виртембергская к общему горю. Завтра выносят из дворца в церковь, а в субботу хоронят в Анненской лютеранской церкви, что на Сергиевской. Вся императорская фамилия опечалена.

Нельзя ли вместо:

её уж нет – *Уж нет её?*

596.

Князь Вяземский Тургеневу.

6-го марта. [Москва].

Я не дождался положительных сведений из деревни, а составил записку по планам из Межевой и собственным ведомостям. Кажется, хорошо; также и письмо; на всякий случай вот тебе два бланка. Довольно ли крупно написал я Христа? Я нарочно не означил, что уступлю, потому что Карамзин пишет уступить, а ты – не уступать. Во всяком случае нельзя спустить более 15 или 20 рублей с души. Уладь это сам. Дай Бог вам успеха. Карамзиных обнимаю. У меня рука устала от официальной переписки и от скуки писать по линейкам. Обнимаю тебя. С кем дрался Рылеев, и что за Ахиллесова рана?

Приписка княгини В. Ф. Вяземской.

Ради Бога, постарайтесь повыгоднее продать. Il me paraît que 400 roubles est déjà trop bon marché; rappelez-vous que nous avons beaucoup à payer, et tachez de nous arranger cela de la manière la plus avantageuse possible.

597.

Тургенев князю Вяземскому.

11-го марта. [Петербург].

Я получил письмо твое вчера ввечеру, а сегодня показывал его князю, который нашел, что твой почерк похож на барона Штакельберга, то-есть, на его почерк, и велел мне заготовить предложение Коммиссии храма с предложением приступить к осмотру сего имения и к донесению по освидетельствовании. Я хотел переменить письмо и выпустить согласие на уступку, но Карамзин отсоветовал; да и дело, ибо и государь сказал о сем князю. Впрочем, я подумаю, как бы избежать сего или уступить безделицу. Предложение заготовлю сегодня; но не знаю, удастся ли завтра на тяжелой почте отправить, а во вторник непременно. Ни времени, ни выгод не потеряю, поелику возможно. *Je prie madame la princesse d'être persuadée du contenu des ces dernières lignes et je la remercie de tout mon coeur poulies siennes. J'aurai donné la moitié de ma fortune pour sauver celle de mes amis. Il ne me reste que cela dans cette vie.*

Я еще не видал Киселева. Побываю сегодня перед обедом у канцлера, где я обедаю с Карамзиным, с Блудовым, Дашковым, а Жуковский отказался для Батюшкова.

Если выдаешь князя Гагарина, камергера, женатого на Бобр[инской], то скажи ему, что собираются списки камергерам и камер-юнкерам с показанием, кто где служит, и что, вероятно, будут выключены нигде неслужащие. Я слышу, что он ни к какому ведомству не приписан. Хочет ли он не носить ключа? Впрочем, беда не велика, но предварить его, кажется, нужно.

Завтра обедаем у отца поэта Пушкина. Каков дядя? Что же «Фонтаном» по сию пору на нас не брызжешь? Не забудь прислать получше экземпляр для и[мператрицы].

Булгарин просит меня напечатать твою статью в его журнале.

598.

Князь Вяземский Тургеневу.

11-го марта. [Москва].

Посылаю тебе пять экземпляров «Фонтана». Отдай из них три Сергею Львовичу. Не шипу более, потому что я еще на постели: не очень здоров и ставил ноги в воду. Обнимаю.

На обороте: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В доме Министерства просвещения. В С.-Петербурге.

599.

Князь Вяземский Тургеневу.

13-го марта. [Москва].

Здравствуй, голубчик! Получил ли ты «Фонтаны» и отдал ли из них три живобьющему фонтану, то-есть, вечно плюющему Сергею Львовичу? Я и так было у себя переменял *взорванный* и сказал *порванный*. Хорошо, если так поставили в печатном. её *уж нет* – Как-то живее, грустнее.

Вся Москва наполнена и напучена толками о концерте благородном (целью и действующими лицами), который затеял Вьельгорский для искупления из Куракинского плена отличного скрипача Семенова. Все взвыло! Концерт однако же идет и дойдет; только не разглашай о том, ибо многие отсюда писали к Куракину, чтобы восставить его против Вьельгорского; и Апраксина, верно, уже барабанит у вас об этом. Куракин – человек горячий и честолюбивый и с сердец может отказаться и от денег, и от слова. Теперь, как сказывают, назначает он деньги, вырученные за свободу Семенова, на приданое какой-то побочной дочери дяди своего в Париже. Здесь так много раскричались об этом концерте, что дамы: Рахманова, графиня Риччи, княжна Агриппина Трубецкая, обещавшие прежде играть и петь в этом концерте, отказались. Вся наша дворянская подлость видна в этих толках. Иные, чтобы повредить успеху, распускают слухи, что у этого Семенова сорок тысяч лежит в ломбарде, когда все деньги его в пальцах, как у поденщика; что он развратный и пьяница, когда он поведения беспорочного; что государь дурно примет это дело и прочее, и прочее. Грустно, тошно и горячительно! Что за плюгавцы! Пожалуй, не одобряй намерения и средств, но как решиться на клеветы! Как вооружиться – с ног до головы, чтобы повредить успеху дела доброго и, по крайней мере, невинного!

Что дело моих Семеновых? Двое из них были у меня, и я изложил им пользу этого дела для них. Ожидаю с нетерпением вашего ответа, чтобы встряхнуть голову и освежиться. прощай! Обними за меня Карамзиных. Не пишу к ним от Дмитриева, который просидел у меня целое утро, а теперь хочется воспользоваться прекрасною погодою.

Что слышно о просьбе моей императрице по Опекунскому совету? Здесь тверской губернатор, но он не получал письма моего за отсутствием и потому не давал еще никакого отзыва.

Попроси Дашкова отщелкать Каченовского за Жуковского. Но он, дурак, лезет с своим Фоссом? Жуковского перевод дурен или хорош по себе, но не по тому, что в том или другом месте не сходствует с переводом Фосса. Этим Велизариям нужен всегда вожатый.

600.

Тургенев князю Вяземскому.

14-го марта. [Петербург].

Посылаю тебе копию с предложения нашего Комиссии, которое сегодня же отправится в Москву. Нарочно обратился к Комиссии, а не к Витбергу, так как сие прежде бывало, чтобы дать повод С. С. Кушникову принять участие в сем деле. Об уступке в предложении не упомянуто, но прошение и записка посылаются в копиях. Уступай не более 10 рублей, и то по необходимости. Торгуйся и представь выгоды имения; словом, не только достигни успеха, но и полного, а потом не согрешай впредь.

Посылаю и музыку на твои слова, вчера привезенную мне автором её. А «Фонтана» все нет, как нет! В предложении есть *du vague*: это лучше.

Нанял дачу на Черной Речке – тот дом, где жил Греч. Мы будем вдвоем с Сергеем, ибо Николай поедет в Карлсбад. Удастся ли прожить и по прошлогоднему – не знаю. Кажется, всякое настоящее несносно, а когда оно в прошедшем, так и о нем жалеешь. Читаю третью часть «Galerie» de Segur: портрет Потемкина. Знаешь ли Chopin «Sur l'état actuel de la Russie», 1822 года?

На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина «Истории». Уж 900 экземпляров в три дни продано.

Заставлял И. М. Муравьева петь твои слова, но заикнулся и в музыке. Попрошу Башмакову – Суворову.

Еду хлопотать за Плещеева. Он забыл записаться в службу и может быть исключен сегодня, если не успеет исправить его небрежности о себе. Тургенев.

Сейчас от Ланского: принимает Плещеева.

601.

Тургенев князю Вяземскому.

18-го марта. [Петербург].

Письмо твое от 13-го марта получил вчера, а «Фонтан» получу сегодня. Вот ответ Карамзина на запрос твой о твоём деле по Опекунскому совету. Мы, кажется, подробно тебя обо всем уведомляли. Впрочем, я еще выправлюсь у Ланского: писали ли, когда и нет ли ответа?

Дашков взял твою рукопись для надлежащего исправления и сам будет отвечать тебе. Сегодня я к нему собираюсь; он с флюсом. Катенька Кар[амзина] все больна. Вот бюллетень сего дня.

Посылаю сейчас твой романс с музыкой к Софье Д[митриевне] Нарышкиной. Обедаю у твоих Смирновых. Прости!хлопотно по делам, по родным, но, в высшей мерзости, вашему музыканту-узнику. Поступаю с величайшею осторожностью, бью челом перед силою в пользу слабого; держусь одного закона, который не всегда в пользу одной невинности, а все страшусь, и право не за себя, а только за неудачу: быть праздным зрителем – есть преступление; вступить за несчастного – часто и для него большая гибель. Жить в этой душной неизвестности – тяжело. Самый ничтожный чиновник, явный мерзавец, часто парализирует лучшее, самое чистое намерение. Здесь господствует какой-то страх неподкупной честности, какое-то безверие к чистым побуждениям, к бескорыстному жару к добру и ко рвению в спасении от взяточников и утеснителей. Прости!

Получил пять экземпляров; три велишь отдать отцу, но один следует императрице. Что же мне останется? Высылайте поскорее экземпляры для распродажи.

602.

Князь Вяземский Тургеневу.

20-го марта. [Москва].

Спасибо за письмо вчерашнее и копию с предложения. Я вчера был у Кушникова, по ему еще нет сообщения. Он, прочитав, сказал, что это еще первый пример такого хода этим делам. Посмотрим, будет ли мне в прок!

Благодари князя Владимира за музыку и за то, что он не умер, потому что Москва его уже отпела. Я говорил Николаю Гагарину, но, кажется, он ни на что не решился, а благодарит за предварение.

Не знаю книги про Россию, о которой ты мне говоришь, да и не мог разобрать в письме твоем имени автора. Пришли ее на минуточку: ты знаешь, как я исправно возвращаю. Найди мне в Петербурге новые «Messéniennes» в которых «Le voyageur», «Napoléon» и прочее.

Что же красной ратины? У нас вторая зима, и мы опять принялись за сани и медведя. Куда, как мило!

Скажи Голицыю, чтобы он прислал мне несколько экземпляров романа; и зачем роман, а не «Сетование», как у меня сказано? Хочу это название вывести в люди.

Здесь все еще полно будущим концертом. Деньги между тем почти все собраны. Это главное. Я получил не этому случаю замечательный ответ отказный от Мамонова: исторический документ pour les mémoires du temps. Все, и он между прочими, говорят: «Зачем выкупать Семенова, когда миллионы в его положении? «Во первых, не делать частного добра, потому что нельзя делать общего, – худая отговорка; во вторых, в образованном быту нельзя поставить на одну доску отличного художника и пьяного конюха; если уважать аристократию, то уважьте и ту, которого определила сама природа, выставя одного из тысячи; в третьих, кто вам мешает сколько можно выкупать, отпускать, освобождать с своей стороны. Неужели, отпустив на волю трех из заслуженных людей, мне подвластных, согрешил я против других, которые остались в прежнем положении? Все это парадоксы подлости, трусости и сожаления выдать 50 рублей, когда каждый вечер проигрываются сотни и тысячи за карточными столами. Вот тебе программа концерта, из коей ты увидишь и при случае докажешь, что избежали всякой личности и указания.

Прости! Благодарю Николая Михайловича за подарок двух томов, за которые я жадно принялся. Буду писать к ним в понедельник.

Пуще всего старайся, чтобы не раздражали Куракина. Первое дело – успеть, а потом уже казнить. Отдай приложенное Воейкову для напечатания, только без моего имени. Не идеологствуй много, поправь, если я где проболтался; только не задерживай долго.

603.

Тургенев князю Вяземскому.

21-го марта. [Петербург].

На сих днях Батюшков читал новое издание Жуковского сочинений, и когда он пришел к нему, то он сказал, что и сам написал стихи. Вот они:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом рождается человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Записка о нем готова. Мы надеемся скоро отправить его в Зонненштейн. С ним поедет и нежная сестра.

«Фонтан» здесь и продается с успехом. В одно время: два тома «Истории» Карамзина, три – нового издания Жуковского и «Бахчисарайский фонтан», да еще и духовная пнижка Кочетова, также очень хорошая в своем роде. Это хоть бы и не у нас!

Пиесу твою пересматривает Дашков, а потом напечатаем. Катенька Карамзина все еще нездорова. Прости!

604.

Князь Вяземский Тургеневу.

24-го марта. [Москва].

Получил письмо твое от 18-го марта, но многого в нем не понял во второй половине и даже не разобрал. Не знаю даже, что ты думаешь о концерте нашем. Неужели не одобряешь? У тебя, кажется, много иносказательного или недосказательного. Объяснись!

Вчера дан был концерт: собрано 10000 слишком. Все и в музыке, и в действующих лицах, и в слушателях, и в зале имело какое-то *доброгласие* и, кроме цели исключительно русской, все прочее было на европейскую стать. Слава Богу, что победили все козни глупости и низости. Даже Юсупов и княгиня Татьяна Васильевна с дочерью присутствовали: вот кляп для бригадирских ртов. Один Апраксин отстоял свое мнение и не был. Теперь должно надеяться, что зловерное наитие не подействовало на Куракина; впрочем, надобно положиться и на прелесть 10000 рублей. Их прелесть красноречивее всех витийств Апраксиной и даже к[нягини] Нат[альи] Пет[ровны].

Зачем же дал ты Сергею Львовичу, то-есть, фонтану-отцу, четыре «Фонтана» сына? Ему назначено от меня только три, а тебе два. Теперь они должны быть уже в продаже у вас. Я вчера получил письмо от Пушкина из Одессы: цена заплаченная за «Фонтан», прибродрила его, и он говорит мне, что начинает почитать русских книгопродавцев.

Как довольны вы моим «Разговором»? Я дал волю своему перу, да к тому же и не боялся вас, идеологов.

Сейчас был у меня Вьельгорский: от Куракина есть ответ. Он дает свободу Семенову, а деньги велит отдать в здешнюю больницу Куракинскую.

Вы требуете от меня тайны в деле Спаса, а между тем посторонния письма и приезжие из Петербурга о том говорят. От Кушникова все еще не имею вести. Что Катенька? Обнимаю! Есть ли, или нет красной ратины? Пришли жене все, что есть для фортепиано из оперы «Der Freischütz»: вальсы, марши, увертюру и прочее.

605.

Тургенев князю Вяземскому.

24-го марта. [Петербург].

Дашков, сегодня или завтра отсюда отправляющийся через вас в свою деревню, будет вам живою от нас грамотою. Не зная, увижу ли я его еще, спешу пересказать о Бор[атынском]. Закр[евский] говорил и просил: обещано, или почти обещано, но еще ничего не сделано, а велено доложить через Диб[ича]. На этого третьего дня напустил я князя Гол[ицына]; потом принялся сам объяснять ему дело и человека. Большой надежды он мне не подал, но обещал доложить в течение дней всеобщего искупления. Между тем, узнав от него, что он думает, что Бор[атынский] отдан, а не охотой пошел в солдаты, я клялся ему в противном, просил справиться и, занемогши сам в тот же день, вчера призывал Муханова, просил его упросить Закревского объяснить Диб[ичу] это обстоятельство: оно важно и должно более других обратить гнев на милость. Страшусь отказа за Боратынского, ибо он устал страдать и терять надежду; но, авось! Или, лучше, я почти уверен, что простят; но дело в том – когда? Отсрочка трудная и тяжелая для страдальческой души Боратынского: *c'est bien là le cas de dire:*

...on désespère
Alors qu'on espère toujours.

Повторяю просьбу: не объявлять нигде его имени под стихами. Я забыл порадовать милую княгиню известием о приезде сюда Ломопосова, который скоро отправляется к вам, а от вас, через Варшаву, опять в Париж. Он привез сюда несколько новых книг, которые роздал для чтения модным приятелям и приятельницам. Между новостями – два тома записок *madame Genlis*, один том записок старика Сегюра и прочее.

Я болен и не мог выправиться у Козлова о стихах. Пошлю спросить сегодня или завтра. Жуковский получил письмо твое и собирается отвечать. Новости третьего дня были следующие: графиня Эльмт – Екатерининской дамой; Давыдова, внука графа Орлова и еще одна, а кто, не помню – фрейлины. Графу Литта велено исправлять должность обер-камергера.

Переведи мне четыре стиха, которые я нашел эпиграфом у Сегюра, но переведи верно и так же грустно-хорошо, хотя и может выкинуть *le remplissage: présent céleste*. Вот они:

Le souvenir, présent céleste,
Ombre des biens que l'on n'a plus,
Est encore un plaisir qui reste
Après tous ceux qu'on a perdu.

Воейкову передам твое поручение через Жуковского, ибо я сам не выезжаю или почти не выезжаю. По вечерам бываю у Карамзиных, а весь день читаю и думаю памятью и горюю, что не в Москве встречу веселый, но на меня уныние и грусть наводящий, праздник.

Помешал Федоров чтением продолжения своего «Курбскаго». Право, хороши писано, и все подробности почерпнуты из хроник. Карамзину и императрице Елисавете очень понравилось. Она видит в нем начало нашего Вальтера-Скотта. Прости! Обними детей, поцелуй ручку у жены и скажите за меня друг другу: «Христос воскрес!» в первую минуту первого часа Светлой недели.

606.

Тургенев князю Вяземскому.

25-го марта. [Петербург].

Письмо и афишу получил. За «Сетованием» послал к к[нязю] Влад[имиру] и, если при- шлет, доставлю сегодня. Новых же «Мессеньен» у меня и здесь нет. Я только читал одну оду на смерть Наполеона, в которой много прекрасного. Фонтене обещал мне книжку на два дни. Посылаю за ней сейчас же. Если будет здесь в продаже, то пришло к тебе. Объявление напе- чатаю, но не хотел прочесть его Карамзину вчера, потому что (между нами) он очень огор- чен холодным разбором его двух томов и в досаде говорил, что перестанет писать «Историю». Вообрази себе, что по четыре, по пяти экземпляров в день разбирают. Вчера взяли семь на простой бумаге. Он принужден уступать на срок книгопродавцам. Ожидаю большего рвения и патриотизма от русской России: чухонская равнодушна к славе отечества. Здесь многие почти ежедневно у Карамзина и не взяли его «Истории»! Другие просят прочесть. А ты хвалишь русских за покупку стиха за шесть рублей! Так, и тому долл;по радоваться. Но где же любовь к полезному и славному? Не говори другим о грязном разборе «Истории», да не возрадутся клеветы Каченовского!

Соловей-Хвостов недавно воспел Ломоносова следующим стихом:

В болоте родился великий Ломоносов.

Софья Дмитриевна Нарышкина очень больна. Федор Петрович Уваров опасно болен и проживет недолго. Статью отдам Воейкову. Но для чего не Гречу? Он на нее больше имеет право.

Вероятно, буду у вас к 1-му мая. Я люблю видеть Москву в праздничном кафтане и слу- шать Ивана, гудящего с товарищами. Для того и приезжал часто к Святой; а теперь не удастся отделаться так скоро и постараюсь приехать на немецкие станы.

Мой секретарь пишет на твое предисловие замечания и напечатает у Измайлова.

Я боюсь, что и Жуковского сочинения не скоро разойдутся. Не посоветуешься ли с Поно- маревым и прочими, или не написать ли мне к Антонскому? он у меня теперь в надежде на звезду и верно расположен к добру.

Ни жены, ни мужа Киселевых еще не видал, но в четверг обедаю с ними у графа Мей- стера.

Сейчас получил и «Мессеньены», но еще не успел прочесть.

607.

Тургенев князю Вяземскому.

28-го марта. [Петербург].

Еще от 14-го февраля послано отсюда отношение Ланского по твоему делу к тверскому губернатору. Справься! Как скоро ответ будет, я тебя уведомяю.

Ратины красной нет, а есть байка красная, но слишком теплая для теперешней погоды. Еще поищу в русских лавках ратины. Прости!

608.

Князь Вяземский Тургеневу.

31-го [марта. Москва].

Война, опять война! Читал по ты в пятом «Вестнике Европы» «Второй разговор» на меня? Вот первый ответ. Напечатай его, где хочешь: у Греча или Воейкова, но только без перемены. Здесь он уже вышел невредим из горнила цензуры и полез в дамский б – Шаликова. Что же делать? В одном этом журнальном б – можно – свободно на Каченовского. И Шаликов, и цензор Снегирев – души не робкия и враги отъявленные Каченовскому. Я должен был воспользоваться этим стечением обстоятельств в страхе, что у вас цензура еще и заупрямится. Сделай одолжение, только напечатайте скорее и скажите, что московская цензура уже пропустила. Лучше, если у Греча. «Истории» два тома продают здесь по 25 рублей у Глазунова. Как идет продажа? Но ведь в города мало еще послано. Благодарю Голицына за музыку. Вчера пела здесь вторая Каталани. Голос большой, но мало искусства и приятности.

Приезжай хоть к немецким –,
Когда быть не можешь ты к русским –,

то-есть, яичкам Светлого праздника. Обнимаю.

609.

Тургенев князю Вяземскому.

1-го апреля. [Петербург],

В прошедшую пятницу граф Аракчеев призвал брата Николая и показал ему два указа. Одним пожалован он в действительные статские советники, другим отпущен с жалованьем бессрочно в чужие края, и велено выдать 1000 червонцев на дорогу. Словесно – много приятного и лестного. Это нас очень порадовало и тем более, что неожиданно.

Жихареву – статского советника. Брат отправляется в среду на Святой неделе в дилижансе на Ригу. Жуковскому еще перстень от Марии Федоровны, кажется, за сочинения. В Тулу губернатор не князь Оболенский, а бывший в Архангельске.

610.

Князь Вяземский Тургеневу.

3-го апреля. [Москва].

Поздравляю от всего сердца его превосходительство. Теперь дело стало за Сергеем Ивановичем. Булгаков ездил сказывать о том вашей матушке. Когда едет новый действительный статский советник и не заедет ли сюда прежде?

Я уже два раза писал к Всеположскому, но он был в отлучке; теперь должно ждать скоро ответа. Предложение Снасу будет рассмотрено после праздников.

Пощечина Каченовскому будет заявлена в дамском б – в среду на Светлой неделе. Вот отчет всем делам моим. Прости! Благодарю Карамзина за уведомление о справке моего дела опекунского. Катеньке, видно, лучше, что ни ты, ни он ни слова о ней не сказали. Скажи ей, что я, а верно и ты, предпочитаем крапивные щи крапивной лихорадке. Всем добрым людям поклон.

Сделай одолжение, справься в Министерстве просвещения, что делается с просьбою Раича из Москвы о издании журнала, и дай тотчас знать.

611.

Тургенев князю Вяземскому.

4-го апреля. [Петербург].

Письма твои получил и разослал. Спасибо за концерт. Я никогда не осуждал тебя за сие, но описывал здешния неудачи во многом подобном; впрочем, многое и удастся. Оперу «Фрейшюц», то-есть, музыку постараюсь отыскать и прислать княгине.

Катеньке лучше, по все еще пальцы пухнут, и она выходит только в гостиную и выезжает прогуливаться.

Вот перевод Кокошкина «Запоздалого листа» Пушкина:

Tendres désirs, rêves d'amour,
De la vie aimables chimères!
Le temps sur les ailes légères
Vous emporte, hélas! sans retour.
Avec une âme indifférente,
Un coeur brisé par la douleur,
Je vois sans ami. sans amante
S'écouler des jours sans bonheur,
Semblable à la feuille flétrie,
Par le souffle des ouragans
Qui sur la tige dégarnie
S'agite seule au bruit des vents!

Нева прошла вчера.

612.

Князь Вяземский Тургеневу.

7-го апреля. [Москва].

Христос воскрес, мой христолюбивый, мой пасхолобивый камергер! Не перепало ли тебе каких-нибудь всемилостивейших крупиц? Москва вместо красного яичка получила из Петербурга красный кафтан Кашкина. В нем отличено московское бригадирство. Между тем замечают, что он разве с год как произведен был в действительные статские советники; за то посидел в партии Екат[ерины] Влад[имировны].

Скажи Жуковскому, что я получил его три экземпляра. Дал Дмитриеву и Антонскому. Ожидаю назначенных на продажу. Между тем пускай присылает два веленевые, которые от меня требуют.

У меня руки, плеча болят. от простуды. Писать больно, а руки между тем чешутся на Каченовского. Прости! Обнимаю тебя.

Спроси от меня у Бутурлина за «Campagne de 1812», которую хвалят в «Journal de Paris». Здесь говорят, что будто свадьба его расстроена. Правда ли?

Меня Василий Львович мучит именем Сергея Львовича, будто не получившего экземпляра «Фонтана», Что за вздор! Отблагодарит ли чем-нибудь императрица? Надоумь Карамзина. Чем же «Полярная Звезда» лучше?

613.

Князь Вяземский Тургеневу.

10-го апреля. [Москва].

Спасибо за 1-е и 4-е апреля. Помилуй, что это ничего моего не печатается? Вы меня делаете совершенно горчишником после ужина. У вас на руках три мои пиесы раскаленные, которые никуда годиться не будут, когда простынут. Найди в 7-м дамском б – мое – . Я хорошо сделал, что обратил распрю напрямки. Этот подлый народишка любит кидать камнями и грязью из-за угла.

Я получил ответ от тверского Всеволожского. Он пишет ко мне, что отвечал министру согласно моему желанию.

Радуюсь за Николая Ивановича. Куда и надолго ли он поехал? Ты хорошо сделал, что не приехал к нашей Пасхе: она холодна, снежна, грязна, скучна.

Я имею «Наполеона» Lavigne. Итак, не присылай списка, а разве печатанного, если найдешь. Не нужно также и «Freischütz», который здесь есть Проси у Бутурлина книгу, хоть за деньги, если продается.

За Каченовского ополчился на меня Дмитриев-племянник. По крайней мере таков общий голос. Celui-la ne chasse pas de race. Вот раскаленная эпиграмма. Прошу ее дать ей остывать и отправить сей же час Гречу.

Эпиграмма

Клеврет журнальный, Аноним,
Помощник презренный ничтожного бессилья,
Хвалю тебя за то, что под враньем твоим
Утаена твоя фамилья.
С бесстыдством страх стыда желая согласить,
Ты доказал, вдвойне кривнув душою,
Что если рад себя бесчестить под рукою,
То именем своим умеешь дорожить.

Вяземский.

Прошу сей же час напечатать. Обнимаю.

614. Князь Вяземский Тургеневу.

14-го [апреля. Москва].

Поздравляю с Фомою. Встретил ли ты Фому? А Жуковский? Я еще не видал Фаддея после крещения своего, но благодарю Дашкова и за взятый труд, и за милое письмо, на которое буду отвечать в четверг.

Скажи Жуковскому, что по всем справкам моим узнал я, что один петербургский Глазунов в состоянии купить его издание гуртом. Глазунов-сын будет отцу писать о том отсюда. Пускай Жуковский снесется с ним.

Последние дни праздников были великолепны. Подновинское на эти дни точно в Европе: движение кипящее, смешение званий, отвержение всякого бригадирства!

Не жди от меня ничего путного сегодня: сердце в трауре, а голова с похмелья от уличной жизни.

Таков, Тургенев, я развратен,
Но на меня и ты похож.

Завтра примусь за дело, а теперь все еще в ушах бубны гремят.

Печатайте скорее мою эпиграмму. Сделай одолжение, справься скорее о журнале Раича и похлопочи о нем как, где и сколько можешь. Раич один *литератор* в Москве, скажу смело.

615.

Тургенев князю Вяземскому.

15-го апреля. [Петербург].

Письма и от 7-го, и от 10-го получил и «Эпиграмму» отослал вчера же Гречу, по Крас[овский] не пропускает то, что впустил в себя дамский б – . Впрочем, довольно и одного и – ния.

Гр[афиня] Разум[овская] послала ко мне «Урику» герцогини Дюрас, но я еще не получал книжек. Я любопытен читать ее и потому, что полагаю влияние на сию книгу и Свечиной, друга автора. Объявление Кузеня об издании Декарта получил. С французскою легкостью и самонадежностью, по блистательно написано.

Об отношении Всев[оложскаго] у Лавского выправлюсь и дам скорый ход делу. К Жуковскому поручение исполню только сегодня: забыл. Пушкиным экземпляр отдал или по крайней мере отдавал. Не помню, взяли ли они. Сергей Уваров впутался не в свое дело и отдал императрице экземпляр «Фонтана» прежде Карамзина и все испортил. Сидел бы за своим сукном. Он перешеголял Козодавлева и на счету ему подобных в публике, если не хуже. Всех кормилиц у Канкриной знает и детям дает кашку.

Брат уехал в дилижансе в среду на Святой неделе. Вот, брат, репутация! Не нашей чета! Не первый ли пример в его категории? И Свинын не смеет завидовать, оглушаемый общим отголоском публики; а брат не выходил из кабинета и из Английского клуба.

Четыре дни сряду таскался под качелями и вел жизнь твоей подобную. Сегодня иду на армянскую вечеринку, если не к Пашковым на бал.

616.

Тургенев князю Вяземскому.

18-го апреля. [Петербург].

Что у вас за Павлов, и для чего вы его не удержали от сумасбродного поступка, если это тот, что пишет в журнале? (Между нами покамест). Прости! Требуют на службу, а ночи не сплю на балах с горя разнородного. Что же Коммиссия? Тургенев.

617.

Князь Вяземский Тургеневу.

21-го апреля. [Москва].

Я все еще в грязи кулачного боя. Но что же делать? Раз пустившись в эту полемику, нельзя отстать, пока бой не решен. Самому досадно и скучно, и гадко связываться с народом, который так поодаль от меня, когда сам не спускаюсь в их омут. Буду осторожнее вперед; но пока, на прощанье, избыю их в кровь. На днях пришлю мое второе возражение, которое здешний цензор также пропустил. Дай Бог ему здоровья! А между тем вот несколько листков первого моего ответа для раздачи. Да разве Воейков по праву корсарства своего не может перепечатать у себя напечатанное в другом журнале, не прося нового разрешения от цензуры? Скажи ему. «Дамский Журнал» читают

две-три набожные лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор,

а «Вестник Европы» имеет какое то популярство. Таким образом выходит, что меня бранят всенародно, а я отбраниваюсь приватно. Пособи и войди в мое сиротное положение.

С Спасом, кажется, дело идет на лад. Предложение министра читано, и согласились купить мое имение; только Витберг, основываясь на словах министра, требует от меня уступки 20000 рублей. Хочу, с согласия Кушникова, предложить половину. Завтра, веролтно, получу от него ответ. Я с совета Кушникова был у Витберга после заседания. Он говорил о тебе: «Мы с ним не сошлись. Александр Иванович старается мне вредить; хочет, чтобы я искал в нем, но мне искать нет нужды», и прочее. Сперва я заступался; но после, как готовился горячиться, подумал, что я не с тем к нему приехал, чтобы за тебя рыцарствовать, а рыцарствовать за свои выгоды, и потому, признаюсь, подло поджал хвост и оставил тебя ему на съедение. Он уже заранее, мимо Коммиссии и до предложения министерского, по одним предварительным словам Кушникова о желании моем продать имение тверское, посылал чиновника рассматривать его. Тут что-нибудь да кроется. Впрочем, я из деревни своей еще не получал донесения о приезде туда чиновника. И это все странно! Бог с ними! Только удалось бы мне все кончить на славу имени Божия. Скажи обо всем Карамзиным, которым сегодня не пишу. Не буду писать и Дашкову, но благодарю очень за напечатание фаддейщины; я поправками доволен.

Хочется приняться мне за какую-нибудь работу успокоительную, чтобы очистить душу, которая, право, как в болоте, с той поры, что вожусь в драме. Полемические распри хороши в Европе: там и противники, и зритель, и судии друг друга достойны.

В победе чести нет, когда бесчестен бой.

Бот эпигрными Грибоедова по случаю, или по поводу нашего калмыцкого балета. Прости! Вчера видел я вашу матушку на большом бале у Апраксина по случаю свадьбы племянника Талызина на Зубовой. Матушка очень обрадована хорошими известиями о Николае Ивановиче. Будешь ли к первому мая?

Что о журнале Раича? Дай эпиграммы Воейкову, чтобы пустить их по рукам.

618.

Тургенев князю Вяземскому.

22-го апреля. [Петербург].

Письмо твое получил и Жуковскому сообщил о Глазунове. Ответ по делу твоему получил от тверского губернатора, и предложено Совету в Москве рассмотреть просьбу. Карамзин уведомит тебя о письме к нему Новосильцова. Теперь хлопочи сам чрез Кушникова. Что же ответ Коммиссии на наше предложение?

Вчера был на бале во дворце, а завтра буду у соседки Пашковой, где празднуют свадьбу племянника с графиней Моден. Будет и великая княгиня.

О Раиче не помнят здесь ибо, вероятно, бумага отдана князю Оболенскому. По порядку нужно от него иметь отзыв. Спроси у князя Оболенского, не прислал ли ему князь его просьбы, а я еще здесь поразведаю; но в Департамент князь точно не сдавал его просьбы.

Если у Николеньки точно корь, то эта болезнь может долго задержать Карамзиных в Петербурге, ибо у Катеньки её не было.

От Николая получил известие из Риги. Он едет приятно, и в будущем для него здоровье и веселье.

Я познакомился здесь с Велеурским, бывшим адъютантом великого князя и будущим зятем Шадурского. Он тебя знает. Кажется, весельчак?

Точно на тебя был похож всю неделю: с мутною душою жил в чадy принужденного рассеяния.

619.

Князь Вяземский Тургеневу.

24-го апреля. [Москва].

Витберг сказал мне словесно, что согласен принять уступку мою в 12000 рублей, и должен был прислать мне ответ письменный, но еще нет его. Отвечал ли он министру?

Павлов, о котором ты пишешь, не журнальный, а другой и, кажется, сумасшедший. Так мне сказывал Иван Иванович, к которому приносил он свою комедию. Я говорил о том вчера Данзасу, который назначен производит над ним следствие. Нужно его лечить, а не наказывать.

Вот второй мой ответ Дмитриеву. Отдай его в «Сын Отечества». Неужели ваша цензура и этого не пропустит? Уж подлинно наша бригадирша Москва не республика ли, потому что можно в ней ездить цугом в карете, ходить, как Ираклий Морков, в патриотическом шлафроке, по выражению Ростопчина? и отвечать «Вестнику Европы»? Читал ли ты в 7-м номере новую брань Дмитриева на меня. На нее должно было бы отвечать палками, но я предпочел отвечать хладнокровным официальным письмом к Каченовскому через Антонского, которое, если успею, сообщу тебе завтра через тяжелую почту.

А тут и баста! Ругай они меня, как хотят, а в – отбраниваться не пойду. Я и так уже провонял –.

Скажи сейчас Жуковскому, чтобы он высылал скорее другие экземпляры свои. Вчера, в особом объявлении к номеру 33-му «Московских Ведомостей», извещаю о продаже его книг, и вчера же все десять экземпляров присланные проданы. Хороша у него ошибка во втором томе, на заглавном листе: *Жуховского*.

Прости! Обними за меня Каразыных. Когда их превосходительства переезжают в Царское Село? Как идет продажа его «Истории»?

Сделай милость, поработай, чтобы разбор мой был напечатан у Греча или Воейкова.

620.

Тургенев князю Вяземскому.

29-го апреля. [Петербург].

От В[итберга] мы еще ничего не получали. исполним, как скоро получим. Карамзин Николенька в кори; но вчера вдруг застрадал чрезвычайно и прокричал часов восемь от боли в разных местах. Вероятно, ревматизм. Пиесу получил. Но здесь и думать нельзя о печатании ваших перепалок. Пора перестать. Теперь ты, вероятно, и с Булг[ариным] свяжешься. Бируков – цензор в беде. Госнер, католический священник, известный проповедник, выслан за границу; и Гречу – типографщику грозила беда. Но я боюсь только за Бирукова, а вы все на ценсоров нападаете.

В прошедшую ночь, на понедельник, было в городе большое – : семь свадеб вдруг! Бутурлина, графа Апраксина, доктора Мюллера и пр., и пр. Пашкова, наконец, выходит за Левашова. 1-го мая собираются в новоотделанный Екатерингоф.

Напомни Жихареву о деле крестьянина, у которого отняли жену. Здесь ему не выдают вида, и ему и не чем, и не с чем идти в Москву и здесь жить.

В «Инвалиде», 26-го марта, напечатана мистификация из Кишинева. *Гор...*, подписанный под статьей, значит по молдавски: большой... И всех сих воздушных явлений и происшествий там не бывало.

621.

Князь Вяземский Тургеневу.

1-го мая. [Москва].

Вот мое *последнее слово*. Напечатай его у Греча или Воейкова, где сподручнее. Но непременно нужно статье быть в петербургском журнале.

Что матушки Москвы и краше и милее?

Ну, не прелесть ли этот пригласительный билет! Этот царевич женился на Оболонской, дочери рязанского откупщика, у которого, говорят, несколько миллионов за пазухою. Дом прекрасный, бал великолепный. У Оболонского есть еще оболонка; приезжай скорее: породним тебя с грузинским престолом. Вот и первое мая, а ты сделал из него первое апреля: не дождался тебя. На днях едем в Остафьево, а в половине месяца жена отправится в Одессу.

Отошли письмо Воейкову; оно не интересное и потому запечатано. Пишу ему о споре, возникающем между книгопродавцами за «Бахчисарайский фонтан», источник толиких браней. Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и Грибоедова. Узнай стороною, получено ли Гречем возражение Полевого на Дмитриева, и будет ли оно напечатано. Впрочем, вот тебе все эпиграммы Дмитриева и Писарева; легко узнать, которые на меня и которые на Грибоедова. А у Воейкова возьми мой ответ. Какая низость припутать тут Варшаву! С хорошим народцем я связался! Это послужит мне уроком. Слышу, что и у Булгарина есть какая-то плоская грубость на меня. «Ma vie est un combat», могу сказать с Beaumarchais. За то летом напишу славность стихами или прозою о полемических распрях.

В будущий вторник должно быть заседание в Спасительной комиссии. Прости! Погода скверная: ветер, холод, и гулянье 1-го мая к чорту. Кланяйся Дашкову. Когда же будет Блудов?

622.

Тургенев князю Вяземскому.

2-го мая. [Петербург].

Мы еще ничего не получали из Комиссии. Желая полного успеха, но, ради Бога, не давай обедов на счет будущих благ. Здесь уже кто-то об этом проболтался (точно ли это было?). Обязанность твоя – заплатить долги и сберечь кусок хлеба жене и детям. Говорю строгим языком чистой и горячей с тебе дружбы. Ты покроешься стыдом, если, прежде нежели все не заплатишь, истратишь хотя рубль на прихоть, хотя и самую полезную или приятную. Здесь все узнают и донесут. Но что до других! Была бы чиста совесть твоя пред детьми и друзьями, и пред тобою. Дай им отчет после верный в употреблении вырученной суммы и не бери из ней ничего для своего ежедневного обихода. Поручи уплату всего другому, например, князю Оболенскому. Вот тебе проповедь преданного тебе сердца. Карамзины боятся за тебя, то-есть, за употребление тобою сумм. Я ручаюсь, что ты будешь честен во всем строгом европейском смысле этого слова.

Вчера я был на пасмурном гулянье. Отделка онога графом Милорадовичем не совсем поспела, но уже дороги и приюты веселящимся были полуготовы. Будет хорошо к будущему маю, но все холодно и пасмурно. Мы приехали туда водой обедать, а оттуда возвратился я пешком вечерять к графу Мейстеру. Граф Хвостов прислал к моему секретарю стихи, посвященные графу Милорадовичу на вчерашнее гулянье. Прелесть! Давно он так сам себя не выражал в своих произведениях, как в сей прогулке воображения. Пришлю, если успею, несколько счастливых стихов. «Отечественные Записки», вероятно, сберегут это сокровище вполне.

Второй ответ твой всем читал, но печатать нельзя. Боюсь, если бы здесь пропустили, чтобы и вашим ценсорам за сии личности не досталось.

Пушкин-поэт дрался на дуэли, но противник не хотел стрелять в него. Так я слышал. Боюсь для него неприятных последствий, ибо граф Воронцов устанет или может устать отвращать от него постоянное внимание на него правительства.

Выписку из гр[афа] Х[востова] прошу представить от меня И. И. Дмитриеву при засвидетельствовании моего высокопочитания.

623.

Князь Вяземский Тургеневу.

5-го мая. [Москва].

Завтра будет заседание у Спаса, и дело мое предложится, а в четверг, вероятно, к вам отправится для заключения.

Надеюсь, у вас оно не залежится.

Жихареву говорил: он хлопочет, но толку добиться не может; надеется, что крестьянина успокоют в старости, но свободы доставить ему не обещается. Да и трудное дело, по словам его: свободный, он потребует жены и детей её. И у нас здесь в Москве завязывается грустное дело: старик Куракин, раздраженный сплетнями московских баб обоюбого пола, отказывается дать свободу Семенову и велит возвратить Вьельгорскому деньги, уже отданные (по предварительному извещению сына) в странноприимный Куракинский дом. Сын все обнадеживает, что смягчит отца, но будущее – дело темное. Не имеешь ли способа как-нибудь умеренно и осторожно, но решительно подействовать на старика через министра князя Голицина или графа Аракчеева? Жаль, что Николая Ивановича нет! Подумай, что и как сделать и дай мне знать.

За кого ты меня принимаешь, полагая, что *я свяжусь с Булгариным*? Я и с Дмитриевым связался потому, что почел его Каченовским, а Каченовский все имеет же какой-нибудь голос в литературе нашей и господствует над заднею частью нашей публичной публики. Связавшись, надобно было развязаться, и – завязалось. Булгарин и в литературе то, что в народах: заяц, который бежит между двух неприятельских станов. Ответ его на мое избличение его во лжи в отношении биографии Дмитриева ничего не значит. По его мнению, о Дмитриеве нельзя говорить потому, что заслуги его слишком велики: да о ком же говорить, как не о людях, достойных внимания? Неужели же говорить об одних Хвостовых, да Булгариных?

Жалею о Бирукове, когда он в беде; по не менее того презираю его, когда он в должности. Чем дело кончилось?

Скажи Плещееву, что его *protégée*, певица St.-Brice, дает концерт в четверг; что рад за нее стараться, но худо падеюсь на успех. Мы только что начинаем отдыхать от концертов, да и к тому же множество людей уже разъехалось по деревням.

По твоим словам я отыскал «Инвалид» 26-го марта. Нет никакой соли в этой мистификации. Не станут ли еще разыскивать творца?

Кланяйся Карамзиным. Радуюсь сердечно, что Николеньке лучше.

Найди в Петербурге французский перевод сочинений Шлегеля: «*Ueber dramatisclie Kunst und Litteratur*» и пришли мне его поскорее.

Прощай! Отошли приложение к Воейкову. Дмитриев в ответах своих Хвостову на присылку новых произведений, никогда не называет стихов его стихами и всегда ищет какого-нибудь иносказания, например, как следующего: «Благодарю вас за письмо и за приложение, и прочее. На днях застал я Василия Львовича, проповедующего своему знаменитому камердинеру Игнатию твердость и великодушие в пренесении рогов, которые всадила ему жена. «Чем же я тебя хуже», говорил он ему, «а и я был роконосец». «Не жалуй меня в майоры», отвечал Игнатий, «да не». Сцена была бесподобная!

Василий Львович утешал его от доброй души; представь себе притом, что вся его дворня была свидетельницею увещаний, и ты постигнешь всю патриархальность этой сцены. Скажи об этом Дашкову: ему коротко знаком Игнатий, и мы с ним праздновали на его свадьбе. Василий Львович, забывши тогда, что гостиная его усажена лакеями и прачками, подходил к нам, потирая свои руки, и спрашивал: «*N'est-ce pas, qu'on se trouve assez bien chez moi?*»

624.

Тургенев князю Вяземскому.

6-го мая. [Петербург].

Письмо твое и *последнее слово* посылаю к В[оейкову] и Ж[уковскому]. Не знаю, напечатают ли? Теперь ценсорам не до личностей, но до собственного лица; да и без сомнения, им может быть новая беда от подобных перебранков; ибо тут и слово *честь* замешано, то есть, письменная пощечина. Впрочем, я не помешаю, во и содействовать не буду; ибо теперь не до того по *этой части*. Пожалуйста, перестань вздорить. *C'est indigne de vous et je ne vous reconnais pas dans tout ce fatras polémique*. Искры твоего ума нет во всем споре.

Где прежний ты, кипящий, соли полный?

Сегодня везет Жуковский Батюшкова в Дерпт, а уже не в Дрезден. Крылову дано десять тысяч рублей единовременно.

Пред глазами моими приготовление к параду всего гвардейского корпуса в четверг. Теперь одна кавалерия несется на Марсовом поле,

И рад бы, вырвался отсюда, во нет возможности. Однако ж летом верно буду с вами, хоть и грустно будет расстаться с Черной Речкой.

Спасибо за царский билет. Прости! Карамзину Николаю лучше, и это не корь была.

Уведомь тотчас о последствии спасительного заседания сегодня.

625.

Князь Вяземский Тургеневу.

12-го мая. [Москва].

Сегодня Кушников дал мне знать, что определение по моему делу записано в журнале; вероятно, оно или пошло сегодня к министру, или пойдет в четверг. Теперь твое дело.

Что за глупая – эта старая Москва! Какие даю обеды на счет будущих благ? Охота им врать, а тебе или вам охота верить! Угадываю, что дело идет о том, что князь Дмитрий Владимирович обедал у нас сам-пять или сам-семь, напрашивавшись к жене во всю зиму. Куда ни обернись – все Михайлы Дмитриевы разных мастей, все глупцы, сплетники, подлецы! Могу ли я решиться мытарить деньги истинно кровные или кровавые? За кого вы меня принимаете? Право, досадно!

Воля твоя, ты слишком строго засудил мою полемику. Разумеется, глупо было втянуться в эту глупость, но глупость была ведена довольно умно. Открытие и закрытие кампании состоит из одних хладнокровных грубостей и не требовали затей остроумия; в промежутках была партизанская выходка в разборе второго «Разговора» и в этой выходке, что ни говори, много забавного. Вступление совсем неглупо; впоследствии некоторые удары нанесены удачно. Вся Москва исполнена нашей брани. Весь Английский клуб научили читать по моей милости. Есть здесь один князь Гундоров, охотник до лошадей и сам мерен преисправный, к тому же какой-то поклонник Каченовского. Читая в газетной мою первую статью, останавливается он на выражений *бедные читатели* и каким-то глухим басом, ему свойственным, спрашивает, обращаясь к присутствующим: «Это что значит? Почему же князь Вяземский почитает нас всех бедными: может быть, в числе читателей его найдутся и богатые. Что за дерзость!» Иван Иванович был свидетелем этой выходки и представлял мне ее в лицах. Он племянника своего уже не принимает к себе и говорит: «Пусть будет он племянником моего села, а не моим». Мне хочется предложить ему, чтобы напротив: оставил он его своим племянником, а меня признал бы за племянника наследства своего. Одна вышла польза из нашей перебранки: у бедного Шаликова прибыло с того времени 15 подписчиков.

Завтра Елена Григорьевна Пушкина отправляется. Дирекция театральная русская купила калмыцкий балет Ржевского. Предвидишь ли успех в стараниях о Семенове? Нельзя ли как-нибудь употребить тут прекрасную Юлию? К какому времени будешь в Москву? Предвари меня заранее, потому что мне предстоят многие поездки, и не случилось бы нам разъехаться. Слал ли ты эпиграммы Воейкову? Жена, кажется, поедет на той неделе; в конце этой переезжаем в Остафьево. Лета все еще у нас нет. Дожди, холодные ветры. Прости!

У Каченовского в лакейской
Он храбро петушится вслух:
Быть так! Но если он петух,
То верно уж петух индейской.

Не забудь французского Шлегеля.

626.

Тургенев князю Вяземскому.

16-го мая. [Петербург].

Ни от тебя, ни от Коммиссии ни слова об имени. От Николая получил письмо из Берлина, куда он попал неожиданно, проплавав две недели на бурном море и не пристав к Копенгагену, но сперва к Борнгольму, а потом к Рюгену, где и вышли на берег. В Берлине советовался он с Гуфеландом, который утвердил план его лечения; ходил за университетские лекции и желал увлечь с собою и Боричку Юсупова.

Посылаю тебе стихи, которые содержанием, вкусом и слогом выражают состояние нашей словесности.

Мы готовимся к большим переменам.

В субботу Жуковский увез Батюшкова в Дерпт; и он охотно поехал, сказав, что Дерпт ему когда-то и своею наружностью понравился.

Дашков был очень болен, теперь лучше. Рибопьер причислен к Министерству иностранных дел. Сергей Ланской отставлен. Карамзины переехали в Царское Село третьего дня.

627.

Князь Вяземский Тургеневу.

20-го мая. [Москва].

Завтра отправляемся в Остафьево, а оттуда жена отправляется в Одессу в конце недели.

У нас такая погода, что грязь на душу ложится. Боже мой, что за земля! Где вознаграждения? Я давно, то-есть, с неделю, не получал от тебя весточки. Скажи же, к которому времени будешь в Москву, чтобы мне не прогулять тебя.

Имеете ли что от Спаса обо мне? На днях обедали мы у Дмитриева, и Жихарев угощал нас острогом: роскошь деспотизма! Все чисто, все блестит, аптека с позолотами, по пет роскоши человечества и нравственности. Десятилетние мальчики, таскавшиеся по миру без вида, сидят по месяцам в школе разврата и злодейства с закоренелыми разбойниками! Пустые справки задерживают по году людей только подозреваемых! Что за хаос! Прости!

Кланяйся Карамзиным, а писать им буду после: теперь заели хлопоты отъезда.

Уймите, ради Бога, Булгарина; пусть его ругает меня, но не позволяйте ему объявлять свое благоволение Жуковскому. Ведь теперь не то время, чтобы поляки могли наложить нам самозванца! Ради Бога, уймите, а то право я хлыну.

Михаил Дмитриев! Теперь ты вовсе чист:
Клеврет твой – Писарев и Каченовский – барин,
А похвалой своей тебе позорной лист
Скрепил Фаддей Булгарин.

628.

Тургенев князю Вяземскому.

21-го мая. [Петербург].

Мы получили представление Коммиссии в день моей отставки а на третий день отставки князя. Я просил его написать к государю и просить о разрешении сего дела, ибо он сам уже не мог утверждать представления Коммиссии. Вчера написал князь и вчера получил обратно свою записку с высочайшим утверждением. Сейчас пишу о сем к Карамзиным, которых видел вчера в Царском Селе. Давно не был я так счастлив, как теперь, и этим чувством обязан Карамзиным. Я снова ощутил веру в людей, давно во мне погасшую. Я не воображал, чтобы можно было меня так любить, как Карамзины меня любят.

О случившемся со мною теперь одно слово. Я – жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях, митрополитом формально, лично государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует и, может быть, очень скоро. Наши иезуиты неискусны и, в радости торжества своего, забывают и самые обыкновенные правила интриги. Вот указ обо мне. Теперь переезжаю на дачу, но скоро надеюсь быть с вами.

Накануне отставки узнал о гневе на меня государя и был спокоен; но теперь так счастлив, как давно не бывал, и этим обязан душе Карамзина. прости!

Вот письмо В[итбергу], которое вчера забыл отправить. Мое дело – не секрет, и приятелям можешь говорить о нем, но так, чтобы не дошло до матушки, которая знает об отставке, но не причину оной – *et pas la manière dont cela a été fait*. Не показывай Вит[бергу] бумаги.

К письму Тургенева приложена следующая копия с записки князя Голицына:

Ваше величество поручили мне купить имение князя Вяземского для сооружения храма во имя Христа Спасителя по просьбе, принесенной Вам Николаем Михайловичем Карамзиным. Ныне поступило представление ко мне из Коммиссии, здесь прилагаемое, о покупке сего имения, которое я утвердил бы, но не считаю себя вправе по воспоследовании указа о моем увольнении от министерства духовных дел; а как отделение греческого исповедания сего департамента еще не вошло ни в чье ведение, то не угодно ли будет вашему величеству утвердить записку сию для приведения в надлежащее исполнение. Подлинную подписал князь Александр Голицын. С.-Петербург, 20-го мая 1824 г.

На подлинной написано собственною его императорского величества рукою тако: «Быть по сему». Царское Село, мая 20-го 1824 года».

629.

Тургенев князю Вяземскому.

23-го мая. Черная Речка.

Прекрасное утро и спокойная совесть! Сейчас был у меня князь Мещерский. Первый вопрос: отправит ли он сегодня высочайше утвержденную записку о покупке твоего имения? Он отвечал, что должен дни два повременить, ибо не знает, может ли и как сноситься с лицами и местами, от Синода не зависящими. Но на сих днях все сие решится, и повеления государева переменить нельзя. Будь спокоен: все уже сделано.

Вчера переехал я сюда к обеду и нашел уже Сережу в нашем домике (где жил Греч, подле нашего прежнего) и с хорошим обедом. Это настроило мою душу так счастливо, что только одно письмо Карамзина, полное сильной и прекрасной дружбы, могло увеличить и еще более усладить чувство нравственного бытия моего. Давно я не бывал в таком расположении духа. Вера в дружбу возвратилась, и о прошедшем только уже грустно, а не больно. Заеду к St.-Florent и если найду французского Шлегеля, то пришло сегодня же.

Во вторник был я в Царском Селе и провел день с мудрецом-другом. Я не воображал, чтобы меня можно было так любить, Теперь и я скажу: «Ах, что бы ни было – я знаю, где бы мне убежище найти, и где нежнейшее хранится участие к судьбе моей!» Прости! Надеюсь скоро с вами свидеться, но еще спишусь прежде. Ведь ты покуда далее подмосковной не уедешь?

630.

Князь Вяземский Тургеневу.

26-го мая. [Москва].

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!

Третьего дня был для меня день сильных впечатлений. проводив утром жену из Остафьева, поторопился я ускакать в город от нервической и сердечной тоски, которая меня давила. Приезжаю и узнаю одно вслед за другим в Английском клубе: смерть Бейрона – из проклятого «Conservateur», и вашу катастрофу от Жихарева, который начал говорить мне о ней мимоходом, полагая, что она уже мне известна. Последнее впечатление неприятное скоро уступило силе благоразумия, но первые два все еще лежат на мне. Я очень смутен и черен. Разлука – та же смерть, потому что и смерть не иное что, как разлука; и вот от чего жена и Бейрон слились во мне в одно горестное чувство. Какая поэтическая смерть, – смерть Бейрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Вот случай Жуковскому! Если он им не воспользуется, то дело кончено: знать пламенник его погас. Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый – это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина.

Я читал в письме к Дмитриеву относительно ко мне. Кажется, мне нечего бояться, что катастрофа ваша оборвется и на меня; а разве затянется? Дай поскорее знать, что будет и что должно будет делать, если делать нужно. Правда ли, что Шихматов назначен на твое место? Сделай милость, не забудь собрать все мои письма и обрывки писем из тех, которые готовились на известное употребление, и даже те, которые уже были в употреблении: осторожность не лишняя. Прощай, мой милый! Ты, говорят, скоро будешь сюда. Сделай милость, поспеши.

Булгарин в своей книжке сравнивает нас как-то с телеграфами, следующими данному движению первого. Вот ответ:

Ты прав! Равны у нас движенья:
При виде низкого и злого дурака
У каждого с сердец подымется рука
И опускается с презренья.

Сегодня обедаю у Ивана Ивановича с глаза на глаз или, правильнее, с глазами на глаз. Что было с Дашковым и каков он?

На обороте: Милостивому государю моему (прошла пора, когда он был *милостивый государь*) Александру Ивановичу Тургеневу. (Нарочно написано нечетко, чтобы, в случае нужды, отпереться от переписки с ним). О жительстве его справиться поосторожнее в Синоде или в полиции.

631.

Тургенев князю Вяземскому.

27-го мая. [Черная Речка].

Не беспокойся, что не послал по сие время утверждения представления в Коммиссию. Причиною тому только то, что не установлен еще порядок сношений по сим делам, и князь Мещерский не имеет права объявлять высочайшие повеления. На сих днях все устроится, и твое дело будет немедленно исполнено, ибо переделать его уже нельзя: есть «Быть по сему».

Сейчас, после легкого обеда, еду к Карамзиным с Сережей и Плещеевым. О Батюшкове плохия известия: он ушел, и всю ночь его найти не могли; наконец, поутру, на другой день, проезжий сказал молодому Плещееву, что видел верст за 12 от Дерпта человека, спящего на дороге. По описанию, это был Батюшков; Жуковский с Плещеевым поехали и нашли его спящего. Едва уговорили возвратиться с ними в Дерпт.

Жуковский еще не приехал. Прости! Что у вас о нас толкуют? Пиши больше, но осторожнее, ибо клевета не оставляет меня. Новые мерзости выдуманы на меня, так что едва и злодеи верят. Но, к счастью, пробалтываются, и источник открывается почти в одно время с тем, что из него истекает. Я спокоен и весел, как давно не бывал.

Читаю философию Михаила Ивановича Полетики и обнял недавно и Северина.

Männerstolz vor Königsthronen,
Wahrheit gegen Freund und Feind,

а у меня нашлись друзья, каких немного и не в наше время бывало.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве.

Булгакову: Отправь это письмо. Я еду в Царское Село. Сегодня возвращусь; здесь ночую, а завтра буду в Совете и потом – на реку забвенья всего, но только не любви.

632.

Тургенев князю Вяземскому.

29-го мая. [Черная Речка].

Сегодня получил князь Мещерский разрешение принять дела по первому отделению бывшего моего департамента, и сейчас я просил его отправить завтра же в Москву предложение по твоему делу, а к тебе или ко мне в Царское Село, куда я на завтра еду, прислать копию с предложения, что он, верно, и исполнит.

Жуковский возвратился. Батюшкова повезли в Зонненштейн, ибо в Дерпте нельзя его лечить. Провожает его хороший доктор. Туда же поехала, но не вместе с ним, сестра его.

Я собирался сегодня в Царское Село ехать вместе с Севериным, но смерть маленького робенка графа Нессельроде помешала ему, и я еду один, то-есть, завтра, ибо пишу 29-го мая. На Черной Речке холодно и еще не людно, но скоро закипит здесь народом. Прости! А. Тургенев.

633.

Тургенев князю Вяземскому.

3-го июня. [Черная Речка].

Получил письмо твое от 26-го мая с описанием сильных впечатлений и с сильной эпиграммой на Булгарина, напомнившей тебя прежнего. Прочту ему самому.

Жуковский узнал о смерти Бейрона, имея на руках русского сумасшедшего поэта. Бейрон умер вполнину давно уже для поэзии, ибо последние его сочинения ниже его репутации, но смерть его в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем.

Я не знаю еще, когда приеду в Москву. Между нами: моя участь не решена еще. Государь велел министру финансов прислать указ о сохранении мне всего жалованья и другой, сказывают, дан о квартире, но «не о хлебе едином жив будет человек». Я могу остаться только на условиях чести и с полным блеском невинности. Черная клевета не должна радоваться своею жертвою, когда клевета признана клеветою. непрерывно она варит яд, который должен отравить меня или, по крайней мере, обессилить надолго. Новые выдумки хуже старых. Один голос публики весь за меня, но это вряд ли не более повредить мне.

Я получил письмо от И. И. Дмитриева об Измайлове, но письмо сие – загадка, которую должен разгадать мне Карамзин. Не ожидая сего, я просил вчера уезжавшего в Царское Село князя Голицына доложить государю о Измайлове по старой записке о нем, мною ему снова отданной. Авань!

Брат пишет из Дрездена: путешествует счастливо и весело. прости! Ветрено и холодно. Копия с предложения к тебе послана.

634.

Тургенев князю Вяземскому.

4-го июня. [Черная Речка].

Сейчас еду с Плещеевым в Царское Село; обедаю у Карамзина; оттуда в Павловск ночевать, с Жуковским («Nonni soit qui mal y pense»), и потом в Царское Село работать с князем Голицыным и во-свояси. Писать к тебе не имею времени, хотя и получил эпиграмматическое письмо твое. Первой не читал никому, чтобы не дошло до сердитого Ж[уковского]. У него готовы примечания, и переписана на-бело твоя пиеса. Сегодня, вероятно, и письмо напишет; по крайней мере требовать буду.

В Москве умерла одна из твоих знакомых, с которой я танцевал на твоём бале – сестра Каверина, что за Олсуфьевым. Брат здесь и по своему горюет. Муж – иначе, ибо знал счастье любви также иначе.

Романса графа Вьельгорского отыскать не мог. Вчера уехали они в деревню и пробудут более года. Я недавно с ними познакомился и очень коротко; полюбил их, и жалею, что едут. прости! Торопят. А. Тургенев.

635.

Князь Вяземский Тургеневу.

8-го июня. Остафьево.

Спасибо за все твои дружеские, сердечные хлопоты по моему делу. Коммиссия уведомила меня о получении повеления Царского. На днях приступят к совершению купчей. Витберг едет в Петербург.

Когда же ты будешь к нам? Смерть тошно и на душе, и на уме! Ужасная нравственная – охлаждает меня всего. В одном письме к тебе недавно говорил я о счетах моих с Жуковским: отыщи его, да покажи ему; также и то, где говорю о нем и о Бейроне.

На днях говорили мне в Москве, что ты в чистой отставке с чином тайного советника. Сейчас приехали ко мне Четвертинский и не дают разболтаться с тобою,

Пришли же мне Шлегеля французского!

На обороте: Александру Ивановичу Тургеневу.

636.

Князь Вяземский Тургеневу.

11-го [июня]. Остафьево.

Спасибо за грамотку 3-го июня. Как мне хотелось бы ясно разглядеть твои дела! Я и догадаться не умею о том, что могли наклепать на тебя. Разве, что ты обижал просвирен и церковных старост в храмовые праздники излишним потреблением за духовными трапезами.

У нас сегодня первый красный день, да и тот, того и смотри, что к чорту полетит от ужасного ветра. Не знало, старость ли физическая, или успокоение нравственное, душевная трезвость после пьянства страстей тому причиною, но хорошая погода делается для меня необходимостью. Дышать на солнце, впивать в себя благодатворенный воздух есть уже наслаждение. О счастливых жителях благодатного климата можно сказать с Крыловым:

Бывает грустно им, а скучно никогда.

Мне, по крайней мере, на чистом, открытом воздухе никогда скучно не бывает. В лоне свежей воды я все забываю. Купание есть для меня такое наслаждение, которое еще никогда не притуплялось. Когда я подумаю о полуденных сторонах, то готов бы сбросить с себя оружие, кинуть пост свой, где стою на часах, и убежать от всего настоящего и будущего, как швейцарец, встревоженный песнями родины. Что за жизнь паша здесь, где небо пасмурное, а земля еще пасмурнее, где нельзя греть ни брюха на солнце физическом, ни сердца на солнце нравственном!

Неужели Жуковский не воспоеет Бейрона? Какого же еще ждать ему вдохновения? Эта смерть, как солнце, должна ударить в гений его окаменевший и пробудить в нем спящие звуки! Или дело копченное? Пусть же он просится в камер-юнкеры или в вице-губернаторы.

Кто будет в Москву куратором? Говорят, Бунина. Правда ли? Теперь не жаль заплатить тебе почталиону за письмо: живот твой расколыхался от смеха, и я доволен; мое дело сделано! Но этого недовольно: сейчас пишу к Жихареву о Буниной, чтобы он распустил этот слух до Антонского. Это золото!

Не от того ли держат тебя в черном теле, что ты жил прошлого лета на Черной Речке?

637.

Тургенев князю Вяземскому.

17-го июня. [Черная Речка].

Письмо твое от 11-го получил. То, что на меня наклепано, так гадко и глупо, что едва ли и на словах пересказать духу достанет. Писать не хочу, да и скучно. Я вознагражден общим мнением, но всего более дружбою Карамзина. Мысль о сем унесу с собою всюду и на всю жизнь. У других слезы навертываются, когда говорят о доказательствах его дружбы ко мне. Что же должен чувствовать я? Я, разучившийся верить дружбе.

Третьего дня обедали у нас на Черной Речке: Жуковский, Блудов, Дашков, слепой Козлов, а потом пришли Греч, Боратынский и Дельвиг. Боратынский читал прекрасное послание к Богдановичу. Дашков прочел нам (не всем) твое письмо к нему.

Сейчас еду в Царское Село и буду обедать у Карамзиных с Севериным. Вот тебе одни имена и журнал съестного провозждения времени; но писать духу нет иначе, как о съестном с тех пор. Как мне возвратили столовые деньги и жалованье, всего 6000 рублей директорских, из Государственного казначейства. Это, вероятно, возбудит новые клеветы Фотия с товарищами, по не надолго. Я помню, что «не о хлебе едином жив будет человек». Прости!

Сергей Уваров – тайный советник. И на его счет есть также общее мнение. Затмил Козод[авлева] и Сабл[укова].

Вчера прислал ко мне Грибоедов письмо твое и обещал побывать у меня. Сегодня скажу Жуковскому твое поручение об экземплярах.

От брата Николая получил письмо из Карлсбада. Он начал лечиться; но думает, что для будущего нужно ему приготовить теплый климат и жизнь более беззаботную, и помышляет о Крыме, ибо в Петербурге может опять засорить печенку и сердце.

638.

Князь Вяземский Тургеневу.

22-го [июня]. Остафьево.

Воля ваша, мы за твои грехи страдаем, или небо мстит нам за то, что ты пострадал. Вся Россия молится о ведрах или о дожде. Другие сохнут, мы мокнем, как лягушки. Да покайся скорее или прости своим гонителям и, так или сяк, разочтись с небом, да и полно! Дай нам отдохнуть!

Когда же ты будешь? Мне смерть хочется знать твою историю. Боголюбов, которого я видел на минутку в Москве, рассказывал мне кое-что о тебе, но я знаю его рассеянность и потому все еще ничего не знаю. Денис Давыдов говорит о нем: «Как не съели его в этом новооткрытом обществе петербургском?»

Я сейчас получаю твое письмо от 17-го. Хорошо делаешь, что хвалишь Карамзина, но дурно делаешь, что бранишь других. Какое право имел ты разучиться верить дружбе? Тут пет личности, то-есть, не о себе говорю, потому что моя дружба не имела случая быть испытана тобою, но, например, Жуковский? Уж, конечно, по чувствам он исповедует дружбу православно и безгрешно. Ты любишь экзальтироваться. Тут есть и добро, и зло; *mais avant de s'entousiasmer pour quelques uns, il faut être juste envers tous*. В нашем быту, то-есть, в отделении *de l'entrevue Arzamas*, только и есть хорошего, что мы исповедуем дружбу словом и делом. Не гневи Бога неблагодарностью!

Познакомьтесь с Грибоедовым: он с большими дарованиями и пылом. Пришлите мне послание Боратынского. Что его дело? Денис писал о нем несколько раз к Закревскому. Долго ли будут у нас поступать с ребятами, как с взрослыми, а с взрослыми, как с ребятами? Как вечно наказывать того, который не достиг еще до законного возраста? Какое затмение, чтобы не сказать: какое варварство!

Прости, мой милый расстрига! Обнимаю тебя сердечно.

На обороте: А. И. Тургеневу.

639.

Тургенев князю Вяземскому.

1-го июля. [Петербург].

Вчера, в день всех апостолов, следовательно, и твоего Петра, ездил с Севериным пить за твое здоровье шампанское в Царское Село с Карамзиным. Провел с ними весь день и получил от них твое письмо от 22-го. Не знаю, когда буду, но верно не в июле, а позже.

Мне ли не верить дружбе после всех доказательств Карамзиных и ваших? Если иногда и отзовется в душе прошедшим безверием, то, при воспоминании едва или еще и не совсем прошедшего, все успокоивается.

Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. Желая, *soûte qui soûte*, оставить его при нем, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже не возможно; что уже несколько раз, и давно, граф Воронцов представлял о сем, *et pour cause*; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковал я о сем с Сенервным, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тем более, что П[ушкин] и псковский помещик. Виноват один П[ушкин]. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно! Куда с ним деваться?

Грибоедова еще не видел.

640.

Князь Вяземский Тургеневу.

7-го июля. Остафьево.

Сейчас получил я твой лоскуток письма от 1-го поля. Я уж думал, что ты, навыворот других, стал спесив в опале и перестал вовсе писать ко мне.

Мне жена уже кое-что о деле Пушкина писала, но не совсем так, как ты. Вот её слова: «Иl vient de faire de nouvelles farces, à la suite des quelles *il a demandé son congé*; tous les torts sont de son coté. *Je sais de bonne part qu'il ne Varna point*. Il me peine véritablement, mais jamais je n'ai rencontré autant d'étourderie et de penchant à la médisance comme en lui; avec cela je lui crois bon coeur et beaucoup de misanthropie, non point qu'il fuit la société, mais c'est les hommes qu'il craint; c'est peut-être l'effet du malheur et les torts de ses parents qui l'ont rendu ainsi».

Разумеется, будь осторожен с этими выписками. Но, видно, дело так повернули, что не он просится: это неясно! Грешно, если над ним уже промышляют и лукавят. Сделай одолжение, попроси Северина устроить, что можно, к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель.

Спасибо за вашу царскосельскую поездку в Петров день. Не будешь ли ты к нам хоть в день своего ангела, наш ангел? Жуковского ли стихи на смерть Нарышкиной в «Сыне»? Скажи мне что-нибудь в письме своем о Марии Антоновне. Четвертинские очень огорчены её горем и ничего о ней не знают.

Сейчас еду в Москву совершить купчую и судьбу. Не знаю, как доеду: дороги непроездимы. На днях я того и смотрел, что закажут мне ковчег для спасения и велят взять по паре всяких тварей. Ты уж был у меня в списке, но не знал, где найти твою двойчатку. А мне Ноем быть можно: *si lui a planté la vigie, moi je cultive celle du Seigneur*.

Кланяйся Дашкову и скажи ему, что письмо его к Пушкиной отправлено к мужу. Обнимаю!

Сделай милость, извещай меня о судьбе Пушкина. Что слышно о Батюшкове? Что за бедственность такая душит Россию? Что делает Новосильцов? Зачем приехал? Каков он? А Байков?

641.

Тургенев князю Вяземскому.

15-го июля. [Петербург].

Письмо твое от 7-го поля получил. О Пуш[кине] ничего еще не знаю, ибо не видел ни Нес[сельроде], ни Сев[ерина]. Последний совершенно отказался принимать участие в его деле, да ему и делать нечего. Решит, вероятно, сам государь; Нессельроде может только надоумить. Спрошу его при первом свидании. Вчера пронесся здесь слух, что Пуш[кин] застрелился; но из Одессы этого с вчерашней почтой не пишут; да и ты бы от жены лучше знал.

Стихи не Жуковского на смерть Н[арышкиной], а, кажется, Лобанова. Вчера обедали мы у Дашкова в Екатерингофе.

Батюшков в Зоннешитейне, и помещен уже. Из Дрездена он опять ушел, но его поймали. Нового известия о нем еще нет. Сестра еще не писала из Дрездена.

Вчера же был я с Новос[ильцовым] и Байковым на закладке Университета у Рунича, где был и новый министр. Приехал за делом, особливо университетским. Был с государем в колониях, но, кажется, еще не работал. Он все тот же, только поздоровел. Байков с ним по старому.

Бетанкур умирает, если уже не умер. Оставляет семейство без куска хлеба. Государь дал рескрипт, успокоивающий его на счет его семейства.

О времени моего приезда в Москву ничего еще не могу сказать верного. Я сказал бы, что я еще между страхом и надеждою, если бы чего-нибудь страшился или надеялся. Мое дело не кончено, и развязка не так верна, как думают.

Читаю Бенжамена Констан «Sur la religion» и «Возрождение Греции» Пукевиля, и стансы Масса на смерть Бейрона, послание к Ламартину и к Грекам, перевод стансов Моора на Бейрона же.

Самойлов женится на Юлии Пален; князь Андрей Михайлович Голицын – на красавице Балк; Сухозанет – на княжне Белосельской. Саблукова вышла в воскресенье за Мадатова со всею азиатскою пышностью.

М. А. Нар[ышкина] скоро едет в чужие края, и с ней Кологривов и жених милой Софьи. Она плачет и слезами облегчает горечь. Вот все, что мы знаем. Прости!

Софье Н[иколаевне] лучше, но все еще болит больное место. Она напугала нас кровотечением, 12 часов продолжавшимся от пиявки.

642.

Князь Вяземский Тургеневу.

25-го июля. Остафьево.

Спасибо за грамотку от 15-го июля. Твои письма редки, как здравый смысл на Руси, как летний день летом на Руси. Да приезжай скорее сюда очиститься, омыться! Мое дело кончено: деньги получены, теперь идет расплата. Старые грехи прорвали плотину и несутся через меня. Теперь займусь, окончив бюджет прошедшего, составлением бюджета будущего. Хочу решительно взяться за ум, если можно назвать умом: положить жизнь на цифры; по делать нечего, а не то жизнь то в цифрах будет нуль. Я не просил состояния; я умел бы обойтись его. Я не просил быть русским; я умел бы быть и другим. Больно, досадно, тошно! Конечно, только тот благоразумен и по истине человек, кто на каждом месте может быть на своем месте, разумеется, не говоря о местных дарованиях; например, первым скрипачем в оркестре нельзя быть тому, кто не рожден быть первым скрипачем; но в житейском быту – дело другое. Каждый может справиться с своим рулем. Я не умел и дал промах почти везде! Отчего? Реши! Вот тебе задача для поучительного казания, мой униат-разстрига! Тут и себя можешь задеть, потому что и в твоей партии начтется несколько важных киксов.

26-го.

Знаешь ли, что я читал вчера? Находку для меня совершенно новую: критику твою на Карамзина. Шаря в своей библиотеке, напал я на «Северный Вестник» 1804 года, месяц июнь: «Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории». Хоть бы Каченовскому! Так и душишь латынью, да и грекам спуска не даешь. Я читал тебя с большим удовольствием. Тут есть жар и душа. Знал ли ты в Геттингене, что критикуешь Карамзина? Послушай, брат, как Шатобриан в опале, примись опять за перо и пиши для журналов! Только вот беда: ты, я думаю, всю науку свою заел просфирами. Сердится ли на меня Жуковский, что я Лобанова принял за него? Хорошо, что еще не Ростовского. Но, воля его, в этих стихах есть и хорошее, и худое Жуковского. Только и меня мучило, что Жуковский в восьми стихах не мог избежать *и вот*, которое у него точно то же, что в картинах Теньера человек, который – , то-есть, неминуемая подпись его. А теперь я вижу, что Лобанов по – , чтобы подделаться Жуковскому. Скажи ему, то-есть, настоящему за – , а не поддельному, что по приезде моем в Москву, то-есть, на той неделе, разочтуй с ним и пришлю ему деньги.

О Пушкине, верно, вздор, то-есть, что застрелился? Сейчас получаю письмо от жены от 21-го, где она мне говорит о нем. Спроси у Карамзина: что? Это дело очень неясно. Я и здесь то же слышал. Я получил от него письмо после катастрофы, где он мне о ней говорит, но совсем не в Вертеровском духе. Жена его поминутно видит и бранит; сказывает, что он очень занят своим «Онегиным». Ежечасно ожидаю еще от них писем через княгиню Софию Волконскую, которая должна проехать Остафьево, ехавши к князю Петру Михайловичу в Суханово, в 10-ти верстах от меня. Жена мне чудеса говорит о княгине Алине. Не был ли ты шафером у Мадатова? Знаешь ли, едва ли не решено, что мы зиму проживем в Одессе. Ступай служить к Воронцову! Жена меня очень подбивает надеть хомут. Теперь одно могло бы меня вовлечь в службу: такое жалованье, которое позволило бы мне откладывать две трети своего дохода; и то лет на пять! Заложил бы я (всячески *заложил*: и в заклад, и в упряжку, и камнем) ум свой и сердце и пошел бы в машины мыслительные, пишущие, как говорили о Стурдзе. Разумеется, и тут с условием не быть *une machine infernale*, то-есть, не *злодействующей*, а такой, как ты был, как вы все: бессильной для добра, по и не потребительной для зла, в роде *palliatif* в людях. Знаешь ли, что мудроно ужиться бы и с таким смиренномудрым расположением духа? Можно закабалить на время свой энтузиазм и умерить свои требования на благо: тут еще не

унизишься, а только сожмешься. Но вот беда, если притупишь и остудить свое негодование; а как не наложить на него руки, когда делаешься орудием вопреки ему? Для избежания терний, неминуемых на таком поприще, надобно чрезвычайно ограничить круг своего действия; пользоваться средствами только теми, которые непосредственно от тебя зависят. Можно решительно в пользу ближнего употребить пять рублей на осязательные его потребности; по не всегда удастся так же полезно во всех отношениях употребить тысячу рублей или сто, потому что действия и последствия убегают из-под влияния руки вашей и минуты. То же самое бывает и в службе.

Сделай одолжение, пришли мне В. Constant: «Sur la religion» и все, что имеешь или имеется в Петербурге о смерти Бейрона. А я и сам скоро отплачу: я писал в Лондон и в Париж, чтобы прислали мне все, что появилось о нем. Я сам брюхат смертью Бейрона, прозою, но ожидаю инструментов, чтобы вернее сделать операцию. Пришли же, что имеешь. Ты знаешь, что у меня не твои руки: все возвращу исправно.

Итак, мы, видно, с тобой здесь не увидимся. Я только хотел бы звать твое дело, а там и чорт с тобой!

Читал ли ты *Ouigika*? Прелесть! Отчего у нас и такой безделицы никто не в состоянии написать? Читал ли ты Кюхельбекериаду во второй «Мнемозине»? Я говорю, что это упоение пивное, тяжелое. Каково отделал он Жуковского и Батюшкова, да и Горация, да и Бейрона, да и Шиллера? Чтобы врать, как он врет, нужно иметь язык звонкий, речистый, прыткий, а уж ничего нет хуже, как мямлить, картавить и заикаться в вранье: даешь время слушателям одуматься и надуматься, что ты дурак. Что у нас за литература? *M-me Stäel* говорила о творениях *m-me Souza*, que c'était de la littérature de colibri, а у нас c'est de la littérature de corbeau.

31-го. Москва.

Ты от Константина Булгакова получить 6500 рублей ассигнациями. Из них отдай Карамзину 4310 рублей; 80 червонцев золотом лучших и бумажками, сколько придется за лучшие по петербургскому настоящему курсу, Николаю Николаевичу Новосильцову при письме моем и спроси у него, как платить: золотом или ассигнациями. Не понимаю, как до сей поры залежался у меня этот долг. 1200 рублей дай Жуковскому; а расчеты ему наши пришлю на следующей неделе. Что останется из денег, оставь пока у себя. Пока прощай! Я в расплатах по горло! Спроси у Северина, что я ему должен за парижские книги и заплати ему.

Если с Новосильцовым есть Журковский, то спроси, нет ли у него росписки моей в получении этих червонцев, которые он мне дал при отъезде моем в Москву из денег Николая Николаевича, и точно ли 80 должен я; или спроси о том у Гомзина.

643.

Тургенев князю Вяземскому.

5-го августа. [Черная Речка]. Утро.

Сию минуту получаю письмо твое, предваренный о нем Булгаковым вчера еще. Распрощался сейчас с Боратынским, которого отпустил в возвратный поход на финский север с надеждою и, проводив от себя Жуковского на Елагин остров к педагогической должности его, спешу отвечать тебе, но не знаю, успею ли послать письмо сегодня*

Приняв деньги от Б[улгакова], расплачусь со всеми и пришлю от всех росписки. Карамзина уведомил о четырех тысячах теперь же. С Нов[осильцовым] и с Гомзин[ым] повидаюсь, но Юрковского, кажется, с ними нет. Будь верен себе и нам и, расплачиваясь, не откладывай ничего на прихоти. В числе их – все несущественно нужное для пропитания себя и детей, Это одно может нас успокоить. Часто заглядываю в будущность твою и Карамзиных и ужасаюсь за детей; но дети Карамзина имеют великое наследство: «Историю», и не всегда же Главное училищ правление будет по экземпляру на губернию подписываться на славу отечества. Недоимку внесут детям, и это спасет их от голодной смерти, а Русь от стыда; но ты еще не нажил из этого наследства. Наживай, а между тем сохрани развалины отцовского. Мысль о детях часто погружает Карамзина в ужасную грусть, смягчаемую только верою в Провидение, которая в нем сильна по-своему. Он чаще прежнего страшится за их будущее, особливо при беспорядках в его имении, с которого ничего не получает. Я предлагал ему туда ехать немедленно и при помощи дельного приятеля при вести в повиновение крестьян его, но он не принял моего предложения. Из Москвы, куда собираюсь вскоре после 16-го сего месяца, может быть и слетаю в нижегородскую его деревню. Авось, мне удастся дать ему некоторое спокойствие, хотя за крестьян его, и заплатить безделицею часть неуплатимой благодарности, к дружбе его питаемой.

Кстати о нем. Статью свою из Гет[тингена] я писал, точно зная, что пишу против Карамзина. В ней виден школьник с жаром к добру, по школьник во всем пространстве этого слова. Знаешь ли, что заставило меня написать сию статью? Я в этом и Карамзину давно признался. В Геттингене узнал я о смерти брата Андрея. Несколько недель, не смотря на поездку верхом в Пирмонт, часто на заглушение пуншем, которого прежде пить не мог, сильного чувства горести, я приходил в отчаяние и в злобу на людей, имея тогда мало веры и много чувства. Желал приняться за чтение, и первая книга попала мне журнал Карамзина и в нем пиеса его, помнится, прогулка по островам, в которой он одного пылкого молодого человека заставляет говорить, что всякое нежное чувство, всякая сильная горечь, которую мы почитаем вечною, не вечна в нашем сердце, что все утихает со временем. Эта психологическая истина возмутила мою душу и меня против Карамзина. Я видал в нем изверга, который не рожден любить вечно, и вздумал мстить ему после чем бы то ни было. Хотелось и выказать свету и батюшке свою ученость, и я написал эту пиесу, исполненную цитатов и напоминающую эпиграмму Шиллера:

Was wir heute gelernt, wollen wir morgen sclion lehren.

Я образумился уже в Москве, снова познакомившись с Карамзиным и прочитав часть его «Истории». Из Москвы начал образумливать и других. то-есть, друга моего Андрея Кайсарова и Шлецера и навлек на себя негодование первого. Смерть брата имела еще и другое важное действие на мою душу: в первый раз я постигнул бессмертие души и душою поверил ему. Без сей веры я точно бы не перенес жизни без него. Еще и теперь сердце порывается на Невское кладбище.

За минуту перед тем, как получил письменный совет твой приняться за перо, Жуковский, ходя по нашей галлерее с сигаркою и приготовляя себя к важнейшему делу его утра,

советовал мне также писать *Мысли*, а потом *Записки*, то-есть, *Mémoires*. Отвечать на этот совет грустно. После двадцатилетней моей жизни я еще не соберу свои обыкновенные мысли, не совладею с расслабленными силами ума и не могу читать одну книгу сряду и со вниманием не развлеченным. Душа даже спокойнее головы. Чувствую, что в умственных занятиях надобно иметь цель, а между тем в одно время читаю Клопштока и «Благонамеренного», Bernardin de St.-Pierre и Гердера (в сих много сходства: «Harmonies de la Nature» всегда напоминали мне «Ideen zu einer Geschichte der Menschheit»), Benjamin Constant и графа Мейстера, Ламене и французский отчет о библейских обществах, классический в своем роде; часто голова горит, если не мыслями, то чем-то похожим на мысли и на чувства, а за перо приняться не могу, ибо для него нужна ясность души и тишина в сердце, которых у меня нет. Довольствуюсь выписками в двухгодичный album, который привезу показать тебе. До ноября подожду решения моей участи, а там туда, где буду часто горевать, а может быть и жалеть о прошедшем, но где скорее могут устроиться голова и затылок, но не зажить, раны сердца.

Кстати о голове и сердце. Брат Сергей получил интересное письмо от Елены Григорьевны Пушкиной о Батюшкове. Она видела и долго, и много беседовала о нем с его доктором и с женою доктора. Вот, между прочим, что она пишет: «J'ai aussi été malade à Dresde: j'ai gardé le lit vingt quatre heures, ce qui est bien fort pour une santé aussi robuste que la mienne. Ce fut à la suite de mon entrevue avec la soeur de Batuschkoff. J'avais trop pris sur moi, j'avais trop compté sur mes forces, et mes forces m'avaient abandonné... En allant aux eaux, je me suis arrêtée chez cette excellente mademoiselle Batuschkoff, à laquelle j'ai voué un attachement bien sincère. Sonneustein était en face. Je pouvais distinguer la croisée de la chambre, qu'occupe maintenant ce trop malheureux ami. Quel spectacle!.. Au milieu de tant de douleur, une phrase de ce pauvre Constantin, que sa soeur me répétait, a mis le comble à mes regret», и пр., и пр. Содержание фразы то, что она, Пушкина, поехала бы за ним в Крым, если бы детей не имела. Далее: «Le médecin de Sonnenstein donne beaucoup d'espérance. Sa femme, cette femme sublime, qui se dévoue aux soins de son mari, répond aussi de la prochaine guérison de ce pauvre Constantin. Elle est frappée de son esprit, qui perce malgré sa folie, de sa sensibilité, et surtout de cet organe si doux, qui fait supposer un coeur si aimant. Sa soeur a voulu que j'écrivisse à la femme du docteur et que je lui fisse le portrait du caractère de son frère. «Moi, me disait-elle, je n'en ai pas la force!» Je l'ai fait! Et mademoiselle Batuschkoff a été tellement frappée de la connaissance, que j'avais acquise de l'âme de notre cher malade, qu'elle m'avait demandé ce que j'avais fait pour le connaître aussi bien»... Рука устала, но хотелось бы и больше выписать.

Теперь к сумасшедшему другого рода. Ты уже знаешь, что Пушкин отставлен; ему велено жить в псковской деревне отца его под надзором Паулуччи. Это не по одному представлению графа Воронцова, а по другому делу, о котором скажу после на словах. О приезде его туда еще ничего не слышно, и не знаю еще приехал ли?

Желал бы теперь обратиться к твоему проекту служить в Одессе. На какое жалованье ты считать можешь? И уживешься ли ты там? Не проживешь ли. остальное? Знаешь ли ты Воронцова? Могла ли узнать его княгиня? Не увлекается ли она в сем случае приятностию сей жизни и тамошнего общества? Но надежно ли оно? И на долго ли? Жизнь дороже московской, то-есть, в ваших отношениях к Москве, по соседству Остафьева. Я не успел этого порядочно обдумать, хотя давно знаю о вашем проекте. Первая мысль, при первых соображениях и при знании Воронцова (лучше, нежели ты и жена твоя его знаете), была совершенно противна сему проекту. Карамзины и Сергей – также.

Жуковский не успел прочесть твоего письма, но велел на всякий случай поцеловать тебя. Прочтем тебя за обедом на закуску.

Княжна Алина точно прелестная и по уму, и по всему. Дай Бог уцелеть ей во всем и сохранить себя для милого будущего, а не для постылого. Страшусь расчетов Фортуны, то-есть, её любителей; а она бы заслуживала быть счастливою, хотя на минуту, и в сей жизни.

Benjamin Constant теперь у Карамзина. Скоро пришло, то-есть, первый том, ибо другие два еще не вышли. О смерти Байрона возьму брошюры у графа Строгонова и тебе пришло по первой почте. Между тем вот несколько стихов из пиесы слепого Козлова:

Среди Альбиона туманных холмов,
.....
В наследственном замке, под тенью дубов,
Певец возрастал вдохновенный.
И царская кровь в его жилах текла;
.....
Но юноша гордый, прелестный,
Высокого сана светлее душой,
Казну его знают вдова с сиротой,
И *глас* его арфы – чудесный.

(В оригинале *звуки*, но *глас*, кажется, лучше).

.....
Встревожен дух юный; без горя печаль
За призраком дальным влечет его в даль, –
И волны под ним зашумели;
Он арфу хватает дрожащей рукой,
Он жмет ее к сердцу со рьяной тоской:
Таинственно струны звенели.

(Смысл последних стихов для меня также тайна).

Скитался он долго в восточных краях
И чудную славил природу;
Под радостным небом, в душистых лесах
Он пел угнетенных свободу.
Любанных страданий палящий певец,
Он высказал сердцу все тайны сердец,
Все буйных страстей упоенья;
То радугой блещет, то в мраке ночном
Сзывает он тени волшебным жезлом,
И грозно-прелестны виденья.

.....
...Песни.....
Но мрака с чела не согнали,
Уныло он смотрит на свет и людей;
Он бурно жизнь отжил весною своей;
Надеждам он верить страшится;
Дум тяжких, глубоких в нем видны черты;
Кипучая бездна огни и мечты,
Душа его с горем дружится.

О нем и о жене его, то-есть, о ссоре с нею и о прежнем их согласии:

Так светлые воды красуясь текут
И ясность небес отражают;
Но, встретя вдруг камень, мутятся, режут
.....
И шумно свой ток разделяют.
И снова он мчится по грозным волнам;
Он бросил магнит путеводный,
С убитой душой но лесам, по горам,
Скитаясь, как странник безродный.
Он смотрит, он внемлет, как вихри свистят,
Как молнии выются, утесы трещат,
Как громы в горах умирают.
«О вихри, о громы, скажите вы мне:
«В какой же высокой, безвестной стране
«Душевные бури стихают?»
.....
.....
И слава воскресла, и вспыхнула месть,
Кровавое зарево рдеет.
Цари равнодушны, – он прежде царей
С мечами, с казною и с арфой своей
Летит довершать избавленья;
Он там, он поддержит в борьбе роковой
Великое дело великой душой –
Святое Эллады спасенье.
.....

Доволен ли? То-есть, моею рукою, если не стихами; но и в стихах есть жар и сила. Выписал бы несколько стихов и из «Звезды» Боратынского, но боюсь, чтобы письмо мое не перебило у моего соседа Греча. Вот одна строфа:

И с милой звездочки своей
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Я просил его свести со второго стиха *очеса* и заменить их очами, но жаль прекрасных *небес*.

Я, верно, к концу августа буду в Москве и проживу, вероятно, до возвращения государя в Петербург, то-есть, до начала октября (государь возвратится к 22-му). Я бы желал поскитаться в окрестностях Московской губернии, например, в Нижегородской ярмарке, и побывать в деревне Карамзина.

«Урику» читал: *c'est joli, mais c'est peu de chose*. Кюхельбекера читал, и с досадою; утешил он меня только певинностью своего рассказа о разговоре его с Тиком о Новалисе. Он признался ему, что не понял Новалиса, а Тик добродушно отвечал ему: «А я понял». Довольно для Кюхельбекера, но зачем же признаваться в глупости? Для этого довольно и «Мнемозины». *Недозрелый Шиллер и классический Шихматов!* Первый эпитет принадлежит не Кюхельбекеру, а Тику. *C'est à peu près son idée sur Schiller*, потому что он гетенианец. Давно такого враня не

бывало. Это – Бестужев (младший), побывавший в ученой и многомыслящей Германии и подслушавший, но не понявший её литераторов. Впрочем, и в Бестужеве есть талант, но старший брат его пишет лучше.

Николай из Карлсбада снова отправился в Дрездеп посоветоваться с Крейсигом и возвратится опять в Карлсбад, а оттуда в Италию. Надежда к излечению есть, но идет оно, как и всегда, туго.

Крылов купался в ревельском море и перепугал рыб своею массою и, вероятно, еще больше своим аппетитом. Новые басни его прелестны.

Что делает Иван Иванович? Скажи ему мое душевное почитание. Если бы письмо это было не такое беспутное, то можно бы его прочесть ему для выписок из чужих писем- Как хочешь. Софья Безобразова здесь.

644.

Тургенев князю Вяземскому.

8-го августа. [Черная Речка].

Вчера получил деньги от Бул[гакова] и дал ему росписку. Был у Новос[ильцова] и застал его сядящимся в карету, по он прочел письмо; я сказал ему, что деньги у меня готовы и червонцами лучшими, и ассигнациями. Он и забыл о них; поручил Гомзину принять, и я досылаю к нему их сегодня по 11 р. 80 к. червонец, по курсу. Получу росписку и тебе доставлю. Юрковского нет. О росписке сказал Байкову и Гомзину. Если есть, то пришлют из Варшавы. Жуковскому 1200 рублей отдал вчера же, но он не знает, за что эти деньги. От Строгонова ответа о брошюрах не получил. Пришлю, если прийдет. У Сен-Флорана нет ничего о Байроне. а будет скоро одна, вероятно та же, что и у Строгонова.

Посылаю элегию Лобанова; а напечатанные стихи в «Сыне Отечестве» не его, а Плетнева. Впрочем, *и вот* есть и в этих. Жуковский вчера прочел письмо твое. Северипа спрашивал о книгах, но еще не получил. Заплачу тотчас, как скоро уведомит. Карамзин был нездоров маленькою лихорадкою, но теперь хорошо. Прости! Какое интересное письмо!

Сию минуту получаю письмо от брата Николая. Он видел Батюшкова. Вот слова брата: «Войдя в ворота, первый, попавшийся мне на встречу, был Батюшков: лицо мрачное; он шел по другой стороне и меня не узнал. Лекарь после сказал мне, что я хорошо сделал, и не свел меня с ним. Он говорит, что теперь ему немного лучше. Прежде он воображал, что он в тюрьме, но Ханьков написал ему, что он в Maison de sauté, и он стал спокойнее. Был у его сестры; она его еще не видала, но лекарь надеется их скоро свести». Распечатал нарочно письмо к тебе, чтобы вписать это. Брат возвратится уже не в Карлсбад, а в Мариенбад пить воды. Карлсбадские худо действовали, но доктор Крейсиг обещает выздоровление после второго курса и после винограда в Италии. В третий раз распечатал и две брошюры от Строгонова посылаю; третью пришлю после. Возврати немедленно по прочтении.

645.

Тургенев князю Вяземскому.

12-го августа. [Черная Речка].

Деньги Нов[осильцову] отданы, и вот росписка. Северин отвечал мне, что на днях будет в Москве и сам с тобою разочтется. Карамзину деньги отданы. Я буду в Москве к 30-му августа. Вероятно, выеду в дилижансе 23-го отсюда.

Вот еще брошюра о Байроне, Мура: это лучшая. Возврати по прочтении. Еду сейчас в Царское Село.

Третьего дня обедали у вас на Червой Речке Жуковский, Крылов, Гведич, СабурсвоС, Дашков, Греч, граф Мейстер и прочие. Козлов (слепой) и Крылов читал свои новые басни. Есть между ними прелестные; скоро выдут.

Теперь (ночь) кончилась серенада, которую давал граф Бобринский на Червой Речке, и началась мазурка; а я ложусь спать, чтобы завтра поспеть к Карамзиным. Прости!

646.

Тургенев князю Вяземскому.

13-го августа. [Черная Речка].

Уведомь меня с первою почтою, где ты живешь в Москве, то-есть, где твой дом, на какой улице и под каким номером, дабы мне можно было в случае, если я приеду в дилижансе, придти к тебе прежде, нежели я пойду к матушке; ибо если я приеду ночью, то пойду к ней по-утру, а ночь проведу у тебя. Если же днем, то прямо к ней. Да напиши, если знаешь, и квартиру матушки, то-есть, на какой улице и чей дом. Да поскорее, ибо только остается десять дней до моего отъезда, или оставь записку в конторе дилижансов.

Вчера были мы в Царском Селе, и Северин читал нам прекрасный ответ Лавинья Ламартину. Он едет отсюда 19-го в Москву, а там в Пензу.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве.

Приписка А. Я. Булгакова.

Изменившему вчера итальянской опере.

647.

Князь Вяземский Тургеневу.

13-го августа. Остафьево.

Благодарю сердечно за доброе письмище от 5-го августа и спасибо за донесение о текущих делах моих от 8-го. Сказал ли что Новосильцов обо мне при этом случае? Говорил ли ты с ним о моей варшавской катастрофе, и можно ли еще говорить с ним о чем-нибудь путном? Если можно, то при случае заведи разговор и побереги его в памяти своей до нашего свидания, потому что я все еще истинного зерна загадки не раскусил. Я Новосильцова люблю; его Польша доехала, но под дрожжами было у него что-то такое хорошего. Я точно приехал к его разрушению: при мне начал он расклеиваться. Впрочем, трудно было уцелеть на его месте; надобно было оставить место; но, остававшись на нем, должно было неминуемо расти в землю и заживо погребстись. Так и было! Я никогда не забуду, что у него узнал я, что такое истинный ростбиф и истинный рейнвейн Иоаннисберга, который поганят теперь недостойные рыла Меттерниха и Татищева. Легкомысленные и неблагодарные желудки не поймут меня, но ты оценишь эту черту признательности. Варшаву также я люблю: в ней родилась и погасла эпоха деятельности моего ума. Все интеллектуальные поры мои были растворены; я точно жид душою и умом. Теперь половина меня заглохла и отнялась. Я не умею жить посреди смерти: мне должно заимствовать жизнь. А здесь где ее взять тому, у кого нет в себе ключа живой воды? Мне скажут: Карамзин! Конечно, он всех живущее у нас; он один истинно живущий; но так ли бы он жил еще в другой сфере, под другими градусами? Умнейшие из нас, дельнейшие из нас, более или менее, а все вывихнуты: у кого рука, у кого язык, у кого душа, у кого голова в лубках.

Твое *письмище* точно и мне дает мысль, что ты должен бы писать свои *воспоминания*. Я всегда замечал, что твое перо умеет залучить к себе и мысль, и чувства твои удачнее языка, на котором они не держутся. Ты такой обжора, что глотаешь и мысли свои, и чувства; шутки в сторону: ты редко договариваешь. Впрочем, и со мною то же: перо развязывает у меня язык ума и сердца. Причина этому, вероятно, та, что мы не имеем привычки говорить. И где могли бы мы натереть свой язык? Арзамас рассеян по лицу земли, или, правильнее, но – земли, а в обществах халдейских разве может откликнуться ум души?

Последнее письмо жены моей наполнено сетованиями о жребии несчастного Пушкина. Он от неё отправился в свою ссылку; она оплакивает его, как брата. Они до сей поры не знают причины его несчастья. Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство – заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской? Правительство верно было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право? Неужели в столицах нет людей более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью! А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предают человека на жертву. Это напоминает басню «Мор зверей». Только там глупость, в виде быка, платит за чужие грехи, а здесь – ум и дарование. Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина! В его лета, с его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выражение Козлова о Бейроне), нельзя надеяться, чтобы одно занятие, одна деятельность мыслей удовлетворяли бы его. Тут поневоле примешься за твое геттингенское лекарство: не писать против Карамзина, а пить пунш. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на *сoup de grâse*, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода из этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этот удар? Да зачем не позволит ему ехать в чужие края? Издание его сочинений окупит будущее его на несколько лет. Скажите, ради Бога, как дубине Петра Великого, которая не сошла с ним во гроб, бояться прозы и стихов какого-нибудь молоко-

сосо? Никакие вирши (*tout vers qu'ils sont*) не проточат её! Она, православная матушка наша, зеленеет и *дебилеет* себе так, что любо! Хоть приди Орфей возмутительных песней, так никто с места не тронется! Как правительству этого не знать? Как ему не чувствовать своей силы? Все поэты, хоть будь они тризвенные, надсадят себе горло, а никому на уши ничего не напоят. Мне кажется, власти у нас так же смешно отгрызаться, как нашему брату – шавке смешно свалить зубы. Во Франции, в других землях, – дело другое, *on en vient aux mains avec l'autorité*; в подобной схватке все увечье! У нас необозримое, мало того что непроходимое, расстояние разделяет власть от нас. *Elle est non seulement inviolable de droit, comme partout, mais elle l'est aussi de fait. De sa nature elle est hors de toute atteinte.* Я уверен, что если государю представить это дело в том виде, в каком я его вижу, то пленение Пушкина тотчас бы разрешилось. *Les Titans n'ont pas chansonné les dieux, quand ils ont voulu les chasser du ciel.*

Эпиграмма может пронять нашего брата, как ни будь он окован в звезды и препоясан лентами, но «сатиры и эпиграммы должны преклонить колена» (как говорил Максим Невзоров в «Друге Юношества» о наших эпиграммах на Боброва) перед неуязвимостью власти. У меня в голове проскакивает глупая шутка, но так и быть: вот она. Я вспомнил о неуязвимости Ахиллеса. Про него можно сказать, что *душа у него была в пятках*, даром, что он был не трус. Сообщи это Екатерине Николаевне, музе моих глупостей. Какой скачек от политической метафизики до лубочной шутки! Да, впрочем, пора мне было соскочить: я ходил по скользкому месту,

Я видел Волконских, мать и дочь, и с первого раза полюбил их сердечно. Мать везет тебе книгу. Завтра хочу к ним ехать в Суханово и повезу твои брошюры. Я что-то сомневаюсь в законности произведения Моог'а: я думаю, это парижский подкидыш. Стихи Masson также неважны; у меня есть ответ Casimir La vigne Ламартину гораздо превосходнейший. Волконская дала мне читать Пукевиля «*La régénération de la Grèce*». Это эпопея, то-есть, по содержанию своему, а не по силе эпопейщика, хотя есть в нем жар и живопись. Что говорит об этой книге Дашков? Можно ли во всем верить Пукевилю? Жаль, что должен прочесть его наскоро: голова кружится от собственных имен людей, городов, чинов. Что за диавол этот Али-паша? Есть ли перевод надгробной речи патриарху, убитому в Царьграде, говоренной в Одессе? Дай мне ее!

Лобанова элегия пахнет перстеньком. В восьми стихах Плетнева во сто раз более поэзии. Читал ли ты глупое известие Греча об этой элегии в 31-м номере? Я люблю, что Лобанов в утешение Шувалову говорит ему: *стенаю и я!* пришли «Звезду» Боратынского! И конечно: *очес* – не хорошо. Да что же делать с нашим языком, может быть, поэтическим, но вовсе не стихотворческим. Русскими стихами (то-есть, с рифмами) не может изъясняться свободно ни ум, ни душа. Вот отчего все поэты наши детски лепетали. Озабоченные победением трудностей, мы не даем воли ни мыслям, ни чувствам Связанный богатырь не может действовать мечем. Неужели Дмитриев не во сто раз умнее своих стихов? Пушкин, Жуковский, Батюшков в тайнике души не гораздо сочнее, плодovитее, чем в произрастениях своих? –

Что скажешь ты он этом письме? Оно превосходно! Это пиндарическая ода! Чего хочешь, того просишь. Это в своем роде Child-Harold, «*volcan tari qui ne lanèait plus que des laves brulantes ou des cendres amères*» (Thomas Moore). Ан, я и в самом деле *volcan tari!*

Ты разве не понял письма моего о службе? Я точно согласен с тобою. Где мне служить? Я говорил тебе, что мог бы служить за деньги, но что знаю, что денег мне не дадут, да и не за что. Ты разве забыл, что я узнал Воронцова летом в Петербурге? Такое знакомство один раз навсегда. Если не было бы поздно, то я выписал бы тебе из письма жены то, что относится до образа жизни в Одессе. О веселиях и приятностях общежития и в помине нет; напротив, она мне настоятельно говорит, чтобы, ехавши туда, отказался бы я от помышления о светских развлечениях, которых там нет. Но там есть солнце и море, а душа моя их жаждет. Может быть, там она оживет. Москва меня сушит: я не должен в ней жить! Я не властен в ней жить! Я не буду в ней жить! А, кроме Москвы и юга, я на Руси не знаю доступного угла. Итак, ты

скоро сюда будешь. Радуюсь заранее. Куда ты это собираешься на Макарьевскую ярмонку из Москвы? Разве для тебя сызнова начнут? Ведь это не обедня. Да и обедня то уже для тебя отошла. Прости, мой милый расстрига! Покажи это письмо Жуковскому; 1200 рублей – за виды Павловского и за проданные экземпляры его сочинений: я тебе толковито писал. Счеты ему пришлю после.

648.

Тургенев князю Вяземскому.

18-го августа. [Черная Речка].

Письмо твое получил, отвечать не успею, ибо теперь уже за-полночь, а завтра я еду в Царское Село. Выеду, вероятно, 29-го августа, ибо 23-го не успею. У Новосильцова был сегодня, но он завтра едет и сегодня был в бане. Я видел его только при других и при неотступном Байкове, и ни разу не удалось завести речи о тебе, сколько ни желал.

Я хотел послать тебе ответ Лавинья. Северин уезжает завтра и тебя увидит.

Новосильцову знаки Александра, 50000 и попечителем на место Лавалья. А Лаваль пишет ко мне из Карлсбада и собирается управлять просвещением литовско-гродненским и для этого жертвует своим хилым здоровьем, не желая остаться на другой курс. А вась, этот удар спасет его от явной гибели и от...¹? но спасет ли от Сената?

Пришлю или привезу ответ на твою вылазку за П[ушкина]Завтра прочту Жуковскому письмо твое.

¹ Точки в подлиннике.

649.

Князь Вяземский (с С. П. Жихаревым) Тургеневу.

18-го августа. [Москва].

Рукою Жихарева: Матугика просит вас, а мы молим, чтобы вы въехали к нам по приезде вашем в Москву. «Приезд нечаянный Александра чрезвычайно меня растревожит», говорит она. Ей хочется, чтобы ее предупредили. Впрочем, да будет воля ваша. Мое дело – написать, что приказано. Еще просила меня напомнить вам, чтобы вы ее забыли взять с собою мундира.

Рукою князя Вяземского: и шпагу. Да, сделай милость, и звезды не забудь; да нельзя ли формата побольше, а то нельзя тебе будет и глаз показать москвичам.

Рукою Жихарева: Это уже я не знаю для чего. Живем мы под Новинским, против церкви Иоанна Предтечи, в Кречетниках, в доме Воейковой. Скоро ли то вас дождемся? Приезд ваш, нелицемерно сказать, для нас праздник. Сергея обнимаю. Верный и преданный С. Жихарев.

Рукою князя Вяземского: Сейчас получил письмо от жены. Одесские наши планы, кажется, переменились, и в сентябре возвратится она с детьми сюда. Смерть семилетней дочери Гурьевой, которая умерла жертвою невежества одесских докторов, не понявших её болезни и лечивших ее от другой, напугала жену, тем более, что доктор Воронцовых, искусный и ученый, может быть, не возвратится на зиму в Одессу. Сообщите это все Карамзиным. Я приехал сюда на минуточку. В Остафьеве у меня здорово.

На обороте рукою Жихарева: Его превосходительству, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В С.-Петербурге.

650.

Тургенев князю Вяземскому.

22-го августа. [Черная Речка].

Я все еще не знаю, выеду ли 29-го августа или 2-го сентября. Переезд на другую квартиру удерживает меня, да и Карамзины желают, чтобы 30-е августа провел я с ними в Царском Селе, а как отказать им в возможном? Впрочем, все еще думаю и надеюсь выехать 29-го, отправив 26-го балы у всех Наталий на Черной Речке, на островах и в городе у князя Ал[ексея] Куракина.

Письмо твое прочел во вторник Жуковскому и Карамзиным; смеялись тому, что для меня отошла обедня так, что Софья Н[иколаевна] едва не захлебнулась от смеха. Посылаю «Звезду», самым автором написанную. Дело его все еще длится. Хлопochу и в Финляндии, и здесь, и в пути, но не знаю еще, будет ли путь в хлопотах наших. Надежда однако ж есть.

Измайлову выпросил Карамзин пенсию (1200). Хлопochу об указе, по еще не получил.

Пукевиль у меня есть и достать могу. У меня осталось твоих 45 рублей, а это точно цена ему. Хочешь ли? Или что другое? Пришлю счет всему, или вот он:

1200 – Жуковскому
945 – Новосильцову
4310 – Карамзину
6455

а получил от тебя 6500, следовательно 45 в остатке,

Дашков читал книгу. Вот его мнение и тех, кто знает дела, как-то: Катакази и брат. Все, что об островах, о Греции внутренней, – почти все справедливо; о происшествиях и о лицах в самом Царьграде – много ложного, ибо Пукевилю не могло быть все известно, что там происходило. Отыми декламации – и книга прекрасная, по писана скверно. Нужно многое исправить.

Пришлю тебе надгробную речь с переводом, очень хорошим, Феофила. Неужели я в свое время не послал тебе? Мы напечатали ее в Синоде и от Синода.

В «Онегине», жалуясь на жестокость петербургских дам, Пушкин говорит:

И на бровях их надпись ада:
«Оставь надежду навсегда».

Остальное при свидании. Впрочем, ты видел уже теперь Северина, и он все объяснит тебе.

Новосильцов уехал, и я не мог и проститься с ним, ибо в этот день был в Царском Селе, а накануне не застал его. Он будет попечителем Виленского университета. Это убьет Лавалю; разве

Утешит свет звезды
расставшихся друзей?

Напиши мне еще что-нибудь о княгине Софье и об Алине, когда и где ждать их? Или найду их еще в Москве?

Сегодня граф Потоцкий, младший брат Ольги, дает нам фейерверк в 3000 рублей, с двумя букетами: дороже Шереметевского.

Знаешь ли ты по-немецки, то-есть, можешь ли понимать хотя прозу возвышенную? Мне пришло на мысль выписать хоть кому-нибудь прекрасную страницу Гердера о языке. Брат в городе, я один в кабинете и прочесть не кому, а прелесть! Чувствую правду стиха:

Желаешь для себя, а ищешь разделить.

Да ты, верно, не разделишь со мною немецкого наслаждения! И соседа Греча пет, он также в городе

Блаженствует в отставке под судом

(стих Измайлова) вместе с Поповым, Бируковым, Яковкиным и еще другими, отданными за книгу Госпера в Уголовную палату. Для чего нет у нас русской академии, ибо собрание корнекопателей, переводчиков Тита Ливия и прочее я не называю академией для исследования философии и для умножения богатства языка? Написал бы речь о природном, то-есть, не только русском, но о даре слова, которое наши бессловесные все смешивают с результатом оного. Не знаю богаче и обильнее предмета, давно любимого моего. В нем вся история и вся её философия. Всякий раз, когда передумываю об этом предмете, бросаюсь на те же книги и всякий раз загораюсь от них, чтобы через час потухнуть.

Писал бы еще, но ни одно перо не пишет, а это останавливает и ход мыслей.

И Блудов пишет, что Батюшкову лучше. Он также видел его доктора. Выеду, вероятно, 2-го сентября.

651.

Тургенев князю Вяземскому.

25-го августа. [Черная Речка].

Еду 4-го или 6-го сентября отсюда, не прежде, ибо хлопот без числа. Вчера был у Кар[амзина] с Дашковым.

652.

Князь Вяземский Тургеневу.

28-го [августа. Москва].

Да купи мне Пукевиля! Кн[ягиня] Софья Волконская едет сегодня в Петербург, по по дороге заедет к Тутолминой. Нессельроде с компанией выехал.

Показывал ли Карамзину мои строчки в письме Жихарева, и знают ли, что мы в Одессу уже не едем? Обнимаю и ожидаю.

653.

Тургенев князю Вяземскому.

2-го сентября. [Петербург].

Пукевиля для тебя купил. В субботу, то-есть, 6-го сентября, непременно выезжаю. Оставь мне записку в конторе дилижансов, где ты живешь; если княгини еще нет с тобою, то я взъеду к тебе на одну ночь или, если до обеда приеду, то на один вечер, чтобы, увидев прежде матушку, к пей переехать; а если у тебя места нет, или тебя не будет в городе, то взъеду в трактир. Скажи только, в который?

Карамзиным сказывал об Одессе. Я провел с ними 30-е; спектакль и бал в китайской ротонде. Дети прекрасно играли. Прости!

654.

Князь Вяземский Тургеневу.

Пятница, 10 часов утра. [12-го сентября. Москва].

Я тебя ждал до десяти часов и сейчас сажусь в коляску спать, потому что я еще спать не ложился.

Таков, Тургенев, я развратен,
Но на меня и ты похож!

Если сегодня жена в Остафьеве не будет, то завтра отправляюсь с ней на встречу до Тулы или далее, потому что и обуреваем нетерпением и беспокойством. Впрочем, 17-го будем, вероятно, уже соединены; кроме кааого-нибудь несчастья, не предвижу причины, которая могла бы замедлить её приезд. В случае её прибытия надеюсь и на тебя к 17-му числу; впрочем, мы до 17-го обошлемся или обозримся. Обнимаю.

Вот тебе твои две бумаги, а «Messéniennes» отдай подателю, чтобы ее списать.

655.

Князь Вяземский Тургеневу.

15-го [сентября]. Остафьево.

Жена здесь, стало и вы здесь 17-го, не так ли? То-есть, ты и Жихарев. Сделай одолжение, повидайся с Иваном Ивановичем Дмитриевым и скажи ему, что жена приехала. Не смею звать его; не смею даже и напомнить обещание приехать в Остафьево на именины жены, но, разумеется, будем ему чрезмерно рады и; почтем его посещение за особенное благоволение, за особенное удовольствие. Скажи и Булгакову, если будешь.

Прощай! Сейчас возвращаюсь из Тулы, где встретился с женою. Сообщи Ивану Ивановичу одесский гостинец.

На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой.

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

Не забудь, что 17-е в среду.

На обороте: Александру Ивановичу Тургеневу. *Рукою Тургенева прибавлено:* С. П. Жихареву. Нужно.

656.

Князь Вяземский Тургеневу.

Понедельник. [Конец сентября. Москва].

Не поедешь ли к Серебрякову сегодня утром? Он живет на Солянке, в доме Свинына, где Комитет суконных дел, проехав Воспитательный дом, налево, в переулке, Я подал прошение 1-го сентября на 30000 аршин: половину отделанного сукна, половину суровья. Во все прежния поставки я всегда был исправен; ныне я еще усовершенствовал свою фабрику значительными издержками. Всегда получал назначение самое малое, то-есть, малую поставку, несоразмерную с количеством сукна, у меня выделяваемого. Попроси, чтобы нынешний раз вознаградили меня за прежния и дали хорошую поставку.

Что же, берешь ли ты меня с собою обедать? Я рад ехать с вами. Что делаешь утром? Сойдемся около второго часу или двух часов в Кремлевском саду. Говорят, там много гуляют.

На обороте: А. И. Тургеневу.

657.

Тургенев князю Вяземскому.

20-го октябрл. [Петербург].

Я узнал здесь, что назначение значительнейшего количества сукна поставщику зависит не столько от Сер[ебрякова], как от департамента здешнего и потому просил бывшего директора Карпеева уговорить Михаила Кайсарова увеличить число аршин на твою поставку. Он обещал мне немедленно похлопотать о сем. Между тем не худо бы узнать в Москве, послано ли сюда распределение и сколько тебе назначено. Я не знаю, в Москве ли ты, и для того пишу сие письмо на имя княгини. Я писал уже два раза Дмитриеву и сообщил ему кой-какие литературные произведения и сплетни и просил его сообщить тебе сие письмо, если ты еще в Москве. Письма твои князю Волконскому, Жуковскому и Грибоедову доставил.

Я живу покуда в Итальянской слободке, в доме Путятина, в комнатах, в коих некогда, то есть, за 14 лет, беспечно зябнул, не имея часто дров, и угощал бывших приятелей – Уварова и еще настоящих – Булгакова и прочих, и прочих чаем в стаканах, за неимением чашек. Это напомнило мне все прежнее и переходчивость времени. Не придется ли и опять в Тургенево, на пепелище отцовское возвратиться или в Геттинген? Впрочем, квартиру мою в Комиссии отделявают, но прежде четырех или шести недель я не надеюсь там поселиться, а укорениться еще не думаю и долее.

Благодарю княгиню за дружбу и за её ласки. Поручил Жихареву поцеловать вашу милую ручку.

Что же вы думаете в пользу Четвер[тинскаго]? Если вам нужны справки, то я в ваших повелениях.

Каковы больные дети? Поцелуйте толстенку, по не того, который женат на Калашниковой, а вашего милого и на Вяземского похожого.

Кар[амзины] не могли от меня никакого толку добиться, ибо я от вас никакого сам не могу добиться.

Жуковского еще не видел. Он в Гатчине. Что Василий Львович? С сестрою ли еще или по ней плачет? Кланяйтесь Тимирязеву.

21-го октября.

Сейчас еду в Царское Село. Простите и не забывайте меня в ваших вечерних беседах.

На обороте: её сиятельству милостивой государыне княгине Вере Федоровне Вяземской, в Чернышевом переулке, в собственном доме, в Москве.

658.

Князь Вяземский Тургеневу.

27-го [октября. Москва].

Карамзины не могли добиться от тебя толка, потому что ты от нас добиться толка не мог? Да какого хотите толка? Разве не сказывал я тебе, что на мне остается 150000 казенного долга, что я решился новых долгов не наживать; разве ты не видал детей и невозможности жить с ними в деревне, потому что им необходимо нужен непосредственный надзор доктора; разве в дилижансе не говорил я тебе, на каких условиях соглашаюсь пойти в кабалу? Чего же больше хотите от меня? Я еще не сенатор Кашкин и не умею пускать слов в сам-пятьсот. Ты хотел, чтобы сущность трех слов развел я в изустном *in-folio*. Того ли хотел ты от меня? Охота же!

В Петербург уже доставлена роспись назначенным по суконной поставке. Там скорее и вернее узнаете; здесь все таят. Я просил всего 30000 аршин. Это и так немного. Пускай дадут 25 или 20.

Где этот «*Courrier de Londres*», из которого выписаны статьи о Дмитриеве и Жуковском? *Между нами*: скажи Жуковскому, чтобы он не очень спесивился европейскою известностью своею. Тот ли «*Courtier*», что издает Pelletier, бывший издатель «*L'Ambigu*»? И как это в «*Courtier*»: извлечением ли из другого журнала, или в числе сообщенных статей от корреспондента? Мне любопытно знать все это наверное: расскажи.

Воля твоя, у Воейкова честному человеку печататься нельзя: прочти его «Астрахань». Он не завидует тем, которые видели Байрона, Benjamin Constant, потому что надевал *на лицо свое сетку, дегтем обмазанную*. Карамзина выставил обжорою! За одно спасибо: назвал Каченовского извергом. Воронцов у него – любимцем русского народа!

Совершенная беспутница не дает мне ехать в Кострому. Вероятно, должно будет дожждаться первого снега. У тебя мои парижские брошюры: возврати. Дмитриев сообщил мне два твоих письма к нему. Отдай приложенную записку Никите Волконскому да скажи ему, чтобы он скорее возвратился к нам: тоскую по нем и по его наемной карете.

На днях видел я феномен на русской сцене: девицу Колосову. Европейская актриса во всей силе слова! Я не полагаю в ней возвышенного дарования; она не создаст роли, образованностью своею она точно создание на русской сцене комической. Мы видели ее только в Селимене «Мизантропа»; завтра увидим в Аменаиде. Итальянской оперы еще не имеем. Прости!

Ты говоришь о *наших вечерних беседах*: они прекратились с тобою или с вами. Обыкновенно из ложи переходим в ложе, то-есть, из театра в постель. Сегодня бал у князя Дмитрия Владимировича. Обнимаю тебя. Каков Сергей Иванович? Что слышно о Батюшкове? Не забудь моего сукна.

Я сейчас получил письмо от поэта Пушкина. Он жалуется на грабительство Ольдекопа и просит меня вступить в это дело. Научи, что делать, к нему писать: к Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего сам похлопочи, только поскорее. Теперь у Пушкина только и осталось, что деревенька на Парнассе, а если и ее разорять станут, то что придется ему делать? Вот письмо и от Сергея Львовича, которое растолкует тебе всю сущность дела. Неужели нет у нас законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтоб Ольдекоп возвратил уже вырученные деньги за проданные экземпляры. Например, знаю, что он московским книгопродавцам продал до двухсот. Повидайся с Дельвигом, который также знает это дело, и пускай напишет он Пушкину, что оно к тебе перешло.

Пушкин прислал мне прелестные стихи: «Прощание с морем». Жена их спишет для тебя, хотя ты того и не стоишь, умничая со мною. Пока она тебе кланяется. Вчера видел я твою матушку у Голицыных. Бал был блестящий.

Сделай милость, управься скорее и решительнее с Ольдекопом. Что Безобразова? Пройдет ли она через Москву? Кланяйся ей.

659.

Тургенев князю Вяземскому.

31-го октября. [Петербург].

Узнав вчера, что Серебряков здесь, я был сегодня у него и повторил ему просьбу об увеличении поставки сукна с твоей фабрики, поручив вчера же и Дружинину просить его о том же, равно и Кайсарова, от которого теперь это более зависит. Авось, общая просьба удастся.

Карамзины еще в Царском Селе и будут сюда, вероятно, к 10-му ноября.

Сию минуту приносят твое письмо. Как жаль, что не имел его за два часа пред сим. Зная уже количество сукна, тебе нужное, иначе бы говорил с Серебряковым. Побываю еще у Дружинина. Пошлю за Дельвигом и спрошу его, что сделано уже против Ольдекопа; хотя мне и неловко хлопотать против него, ибо был вечным, но неудачным его протектором против нищеты, но постараюсь унять его, если буду иметь к тому средство.

Жаль, очень жаль, что не знал сегодня по утру, что ты еще в Москве. князя Никиту увижу завтра у сестры его. Что за умная прелесть Алины, его племянница! Я повадился к ним снова ездить и с одним умным австрийцем Гумельгауером восхищаюсь умом и просвещением, и добродушием Алины. Ее прямо можно послать посольшею в Париж, и лицом в грязь не ударит.

Статьи я списал из газеты, как нашел их. Безобр[азова] здесь еще. Через Москву поедет, вероятно, по первому пути; впрочем, кто знает?

О Батюшкове от сестры получено грустное известие, по какое, еще не знаю. Увижу Мураньеву и тебе скажу. Брошюры послал вчера.

Не Карамзина, а меня выставил Воейков обжорою. Да на то время и не ошибся. Я ему давал письмо к Гаюю. То ли он собирался написать? Впрочем, я знаю его пиесу только по его словам. Прочту. Здешние журналисты огадились совершению. Нельзя откровеннее ругать, как я ругал приятеля Булгарина, а ему – все Божья роса. Клевещет на Федорова, трусит полиции, подтруживается Шишкову, храбрится перед Боейковым, и все это на счет читателей, коим угрожает обратиться к *лицу* того, кто усомнится etc. Плоское и подлое подражание твоему Толстому, и все это мы читать и терпеть должны, а сердиться на него невозможно.

Приложенной записки к Ник[ите] Волк[онскому] ты не приложил, а только письма Сергея П[ушкина].

А мы и не будем иметь итальянской оперы. Не хотели певицы замерзнуть за те же деньги у нас, за которые могут греться в Вене. Сережа выздоровел и ходит без костыля. Я был болен, но исправился. Пришли поскорее пиесу Пушкина и поцелуй милую ручку у милой жены. Обними детей.

Парижские новости: «Qu'est-ce qu'ou a vu sous Charles X ce qu'on n'a jamais vu sous Louis XVIII?» – Un cheval. – Les français ne s'entendront plus: ils ont perdu Louis.– Le commerce sera protégé: le roi est marchand(d)» и пр., и пр.

Старина: Finot dit que la plaine la plus haute qu'il connaisse est la pleine lune.– Une jeune et jolie fille demandait de la bierre à un garçon du café. Celui-ci répondit: «Jt; n'en ai pas, mademoiselle, niais si vous voulez que *je vous embrasse*».

– Un joueur qui venait de perdre au tric-trac, dit en se levant avec dépit: «Laissons la Medée et Jason».– Notre choix l'a fait maire, et l'amour l'a fait père. Quel triomphe en un jour de se voir père et mère!

– M-r Taxe dit à Barbe que la lettre charmante, qu'elle lui a écrite, sera toujours gravée au fond de son coeur. Barbe lui répond: «Je m'y croyais gravée avant la lettre».–On dit que les journalistes doivent craindre l'automne, parce que c'est dans cette saison que les *feuilles* tombent.

660.

Тургенев князю Вяземскому.

1-го ноября. [Петербург].

«Votre lettre est venu trop tard» pour communiquer au docteur Pinitz l'observation de madame Mouravieff. La maladie de peau est enfin inoculée. Grand Dieu! Quel en sera le résultat? On avait voulu que j'écrivisse à mon malheureux ami; je l'ai fait: il a reçu ma lettre, et fixant l'écriture il a cherché aussi à fixer un souvenir. Puis il a mis ma lettre de côté, disant: «*Qu'est ce que Von me veut?*» Ensuite il l'a reprise, il l'a lue. mais hélas! il n'y a point répondu; Tout ce temps il a été calme, ce cher malade. Il faut attendre au présent l'effet du remède, qu'on vient d'employer. J'attends sa soeur après-demain; bonne et excellente créature! Sa santé s'en va, elle souffre surtout de ne recevoir aucune nouvelle de son pays. Quand elle est avec moi, nous parlons et nous pleurons ensemble; mais enfin je parviens à la distraire et vers la fin de la journée elle se sent infiniment plus calme. Si elle pouvait se décider à loger avec moi à Dresde! mais elle n'entend pas raison là-dessus. Sans le lui dire, je la conçois. Dresde. 30 octobre.

Вот что пишет Пушкина к брату о Батюшкове в ответ на его письмо, в котором брат остерегал ее от прививания Батюшкову чесотки; ибо он и здесь опасно страдал от сей болезни.

Сейчас был у меня Дельвиг. Он опять поедет к Ольдекопу и будет требовать вознаграждения. Я поручил ему пострадать его жалобой начальству, если он где служит и если он, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убыток. Ольдекоп сам нищий. Что с него взять? Я велел сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось страх подействует там, где молчит совесть.

В «Северных Цветах» будет много прекрасного и любопытного. Один северный цветок, и прекраснейший, вчера сорван графом Завадовским. Баронесса Строганова умирает или умерла в Дрездене. Два сына, граф и барон Александр, третьего дня туда поскакали. Прости! Я сегодня писал уже к тебе.

На обороте: Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, в Чернышевском переулке, в собственном доме.

661.

Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

Le 6 novembre, midi. [Петербург].

Je n'ai pas le temps de répondre en bonnes et dues formes à votre charmante lettre, encore moins d'exhaler toute ma furie contre la répartition égale des tendresses entre Sev[erine] et moi! Je laisse cela pour de moments calmes, car j'ai à peine celui de vous dire que j'arrive à l'instant même au Conseil, que j'y trouve Miloradovitch avec le comte Araktcheieff, que je prends le premier de côté, que je lui parle à la hâte sur Tchert. À peine je l'ai nommé, qu'il me demande: «Какой это?» Je lui réponds: «Votre compagnon d'armes et père de 9 enfants et mari d'un ange de douceur et de conduite». Il s'écrie: «Ah, это мой друг! Знаю, все знаю; он хочет быть при почте?» – «Нет», отвечаю я, «хочет служить для того, чтобы не жить в праздности и воспитывать детей, коих теперь едва питать может». – «Сделайте мне записку; я покажу государю, буду просить на коленях» etc., etc.– tout cela en fuyant et en cherchant les regards du c[omte] Ar[ak-tcheieff] qui nous fixait et peut-être nous entendait. Je finis de mon mieux en lui promettant de lui apporter la note! Mais je ne sais, si je trouverai son послужной список. Je ferai mon possible, et cela sans le moindre délai.

Je suis pressé. On m'attend au Conseil. Je baise vos deux jolies mains et j'embrasse votre mari. Ah! quels vers!

Глубок, могущ и мрачен... неукротим!

Adieu, après-demain je vais avec Sev[erine] à Zarskoé-Selo. Adieu!

Каковы дети? Для чего ни слова о них? Я разве не люблю вас всех?

На обороте: её сиятельству милостивой государыне княгине Мере Федоровне Вяземской. В Москве, в Чернышевом переулке, в собственном доме.

662.

Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

7-го ноября 1824 г. С.-Петербург.

Всепопданнейший отчет её сиятельству княгине Вере Федоровне Вяземской, урожденной княжне Гагариной, от верноподданного Алексашки Тургенева.

Отправив к вашему сиятельству наскоро и под шумок Государственной канцелярии, в Зимнем дворце его императорского величества писанное донесение, я к вечеру начал обдумывать план новой атаки на генерала графа Милорадовича, и вследствие принятой мною резолюции составил я прилагаемую у сего в черновой копии, краткую и терпению его сиятельства сообразную записку, которую и намерен был сегодня поутру вручить ему. Из Итальянской слободки отправился я по образу пешего хождения в Морскую или на Мойку к его сиятельству, но уж выходя из Литейной на Фонтанку, остановлен был разлившейся из берегов своих Фонтанкой, а переправившись чрез Симеоновский мост, принужден был взять *Ивана извощика* и доплыть на дрожках до графа Нессельроде, ибо вся набережная по обеим сторонам, улица перед Михайловским садом и Садовая залиты водою, и от шумящего сильного ветра наводнение и теперь ежеминутно умножается. Но ни ветры («Nonni soit qui mal y pense!»), ни волны не могли остановить стремления моего в исполнении предписаний вашего сиятельства, и я снова от одного графа начал перебираться поверх залитых водою погребов к другому, как вдруг узнаю, что и Морская, место его жительства, и набережная Мойки наводнены, и что нельзя иначе, как на ходулях или на лодке добраться до его сиятельства. Сие противоборствие и волнение матери-природы не остановило меня. Через наводневную уже Невскую перспективу и Литейную побрел я домой за экипажем, но и тут новое дьявольское наводнение, которое доказало, впрочем, что

Ни вихрь, ни ветер не сломит быстротечный,
Ни кирпичей полет меня не сокрушит.

От дома В. С. Шереметева вдруг сорвало (с кровли или с трубы, в точности донести не умею) груды кирпичей, кои, ударившись об мою шляпу (к счастью она была поношенная), то есть, о конец оной, нагнули ее на мои красные очи, и потом ингерманландский зефир, в ту минуту неосторожно подувший, свеял ее в черную грязь (не в ту, что близ Белокаменной и следовательно Чернышева переулка: тогда бы я ей позавидовал), но в ту, что в Литейной, и заставил меня бежать за нею до самого будущего законодательного жилища моего, пред которым и ветер, и шляпа остановились, как труды самой Коммиссии. Смирненно очистив грязь с шляпы и остерегая народ, как волны стремившийся смотреть другие волны, от кирпичей Шереметева или его соседа, я опять побрел на свой бивуак в Итальянской слободке. Но здесь, или еще дорогой, узнал, не скажу как и чрез кого, что домогательство наше об одесском градоначальстве должно пока отложить, а искать кое-чего другого, о чем в течение сего дня и буду стараться, для чего и открою чрез час новую кампанию, а вам буду иметь честь о последствии оной донести.

Помня правило пословицы: «Мешай дело с бездельем» и привычку моего почтенного начальника не писать и записки без пословицы, честь имею вследствие оной приложить у сего для вашего супруга две пиесы слепца-поэта: первое, посвящение «Черпеца» его, которого Жуковский называет прекрасным, жене своей, и исправленную его же «Ирландскую песню». А. Тургенев.

2½ часа по-полудни.

Вода усиливается. Апичковский мост залит. В Литейной из нижних этажей убираются. Нельзя доехать и до Английского клона: к счастью, у людей моих славные щи! Не знаю, как отправить и это письмо, ибо венецианских гондолой не успели завести, а иначе, то-есть, по сухому пути, до почты не доберешься.

Князь Никита Волконский три дни уже как уехал в Киев. Недель через пять будет в Москве.

В Михайловском замке, *si-devant*, лошади едва выплыли; едва ли не было хуже. Но я пишу еще из своего ковчега в Итальянской слободке и знаю чужую беду только еще по слуху.

Четыре часа по-полудни.

Сейчас возвратился от Аничковского моста. Далее ни на лошади, ни пешком нельзя, и только две или три лодки плавают вдоль по перспективе, совершенно покрытой водою. Будку и караульню у Аничковского дворца снесло. По Фонтанке, на набережной, и перил не видео. Нижние этажи все залиты. По Фонтанке и по перспективе плавают дрова, овес, и ловят яйца с барок. Сказывают, что во дворце дошло до второго этажа. Теперь направление ветра переменялось, и оттого мы дошли до моста, но прежде и он, и за ним было в воде. Отважные мореходцы пускались по тротуарам перспективы, но не всегда удачно. Увы, какой обед в Английском клоне, и я должен довольствоваться из Невской ресторации! Это письмо пойдет к вам, вероятно, уже завтра я о последствии потопа, так как и о голубе с масличною ветвью, узнаете уже вы от других. Нижний этаж прежнего моего жилища потоплен. Издали Фонтанка с набережными кажется Невою. Екатерина Федоровна Муравьева также в воде. И сколько водяных разговоров и у нас, и у вас после сего потопа! *Et pourtant on ne fera que de l'eau clair* и после.

1825.

663.

Тургенев князю Вяземскому.

17-го февраля. [Петербург].

Третьего дня, в седьмом часу вечера, приехали мы сюда, следовательно, менее, нежели в трое суток. Вечеру в тот же день был я у Жуковского и пил чай у Карамзиных. Главным предметом беседы нашей были вы. Вчера уговорились мы с Севериным и приехали к Карамзину по утрам толковать о предмете письма моего к нему. С[еверин] не едет никуда, да и речи о сем не было. Поручат поздравление, вероятно, Штакельбергу. Сестра его сказывала мне вчера же, что он будет скоро в Москву. Вообще о службе в Иностранной коллегии говорили много. О сем после более. Вечеру опять речь была о тебе же. Карамзин хочет сам писать к тебе. Он готов всех и одного просить, но надобно чтобы ты решил, чего желать и домогаться. Мы разбирали многое, ни на чем остановиться не могли.

Подумай сам и пиши ко мне или к Карамзину. Других поручений твоих еще не успел исполнить. Постараюсь сегодня, хотя спешу в Совет и к Олен[ину], которого вчера не видел. Передо мною рукопись «Онегина». Брат поэта сказывал мне, что завтра будет он весь отпечатан. Пришло. Ко мне есть письмо старое. Сегодня получу.

Беру с собою твою памятную записку и в среду надеюсь уведомить, что сделал и кого видел.

О князе Четв[ертинском] спрашивал князя Гол[ицына]. Ему еще ничего о сем неизвестно, но вероятно, что пойдет прочь, ибо К. Д. на него жаловался особым письмом к государю за его отлучку из Москвы без позволения К. Д. (между нами). Если увижу Мил[орадовича], то переговорю с ним, не говоря о том, что слышал в Москве, а как бы желая навеститься по прежней моей просьбе.

Здесь Евгений. На место князя Якова Лобанова президентом моего департамента – Пашков, а Лобанов просто член общего собрания *et roue cause*.

Княгине свидетельствую душевную привязанность и благодарю за приятные минуты в Москве, особливо в первую половину нашего там житья.

Софье Н[иколаевне] говорил о платье: ношеное оно еще для неё дороже – вот ответ.

Детей обнимаю братски и Павлуху целую во всю его милую рожицу.

Брат будет писать к вам после. Кланяйся Велгурскому; доставь записку Дмитриеву, также Тимирязеву, графу Толстому, Пушкину (Сергей Львович едет завтра в Москву) и Давыдовым и всем, кто вспомнит, и княгине Зенаиде. Прости! Грустно по Москве, особливо, когда думаю о вас:

Не там ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тиши,
Мои счастливейшие дни.

(«Онегин»)

Читал ли «Наводнение» Хвостова? Старинной тряхнул.

С. И. Тургенев княгине В. Ф. Вяземской.

Le 18 février 1825. Moscou.

Madame, je m'empresse de vous rendre compte des commissions dont vous avez bien voulu me charger. La première et la plus importante a manqué complètement! La demoiselle de l'Institut de 1812 s'est engagée à entrer chez madame Karamsine, par autorisation spéciale de l'impératrice. Je tiens ceci de Еватерина Апдрееиша elle même. Quant à d'autres demoiselles du même Institut. il n'en sortira que dans un an d'ici. Ce n'est donc qu'alors que l'on pourra s'occuper de cette affaire. Je crois devoir vous prévenir cependant, qu'il doit y avoir bientôt une sortie des demoiselles du Couvent Smolnol et que l'on pourrait peut-être en trouver une qui vous convienne. Je regrette infiniment d'avoir été dans l'impossibilité de contribuer à vous faire avoir une gouvernante; ce qui me tranquillise pour mon compte – c'est que la chose ne dépendait pas de moi. Passons aux commissions, que je pouvais faire à moi seul. Hier j'ai remis au banquier Molvo la somme de 1500 roubles pour être envoyée à m-r votre frère, ensemble avec votre petite lettre pour lui. J'en ai pris un reçu que je garderai chez moi. Je ferai également partir ces jours-ci votre lettre pour m-me Pouschkine. Les touffes sont aussi commandées à Charles et seront prêtes pour samedi prochain. Je vous les enverrai lundi. Je finie, madame, par vous prier d'agréer mes remerciements les plus sincères pour la bonté dont vous avez bien voulu m'honorer pendant mon dernier séjour à Moscou; leur souvenir ne s'effacera jamais de mon coeur reconnaissant. Veuillez également les offrir de ma part au prince, dont l'amitié sera toujours pour moi Tun de mes biens les plus précieux. Il n'y aura pas d'indiscrétion non plus, je crois, à vous supplier de me rappeler au souvenir de votre aimable société, et particulièrement à celui de monsieur le comte Michel Welehorsky. Je regarde comme une véritable conquête la connaissance, que j'ai faite de cet homme éminemment distingué sous tous les rapports. Recevez, madame, l'hommage de mes respects et de' mon entier dévouement S. Tourgueneff.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.